

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР

НА СУШЕ И НА МОРЕ.
САТАНСТОЕ (СБОРНИК)

Хроника Литтлпейджей, или
Трилогия в защиту земельной ренты

Джеймс Фенимор Купер

**На суше и на море.
Сатанстое (сборник)**

«Public Domain»

1845

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Купер Д.

На суше и на море. Сатанстое (сборник) / Д. Купер — «Public Domain», 1845 — (Хроника Литтлпейджей, или Трилогия в защиту земельной ренты)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В этом томе представлены два произведения Купера. Авантюрно-исторический роман «На суше и на море» повествует о приключениях двух юных американцев, бежавших из дому. Роман является первой частью дилогии о Милсе Веллингфорде. Роман «Сатанстое» (Чертов Палец) – первый из «Трилогии в защиту земельной ренты». Он рассказывает о любви на фоне войны. В одну прекрасную девушку влюблены сразу трое, и каждый втайне надеется на взаимность. Другую любит всего один молодой человек, но любит безумно и не скрывает этого. А что же девушки? Первая разобралась в своих чувствах, когда дело дошло до критической точки – проводов на войну, вторая – когда было уже слишком поздно...

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д., 1845
© Public Domain, 1845

Содержание

На суше и на море	7
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	26
Глава VI	30
Глава VII	34
Глава VIII	38
Глава IX	42
Глава X	46
Глава XI	50
Глава XII	53
Глава XIII	57
Глава XIV	62
Глава XV	66
Глава XVI	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джеймс Фенимор Купер
На суше и на море. Сатанстое (сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

* * *

На суше и на море

Глава I

А я! Радость моей жизни ушла вместе с силой моего ума и огнем моего сердца. Немного снега заменило черные локоны, вившиеся на моем челе, и эти милые деревья, под которыми протекало мое шаловливое детство, бросают сегодня тень на мою могилу.

Миссис Гиленс

Я родился в долине, прилегающей к морю. Мой отец в молодости был моряком, и мои первые воспоминания связаны с историей его приключений, которые возбуждали во мне живой интерес.

Он служил во время революционной войны и, между прочим, участвовал в сражении между Трумбуллем и Уаттом, сражении, считавшимся одним из самых блестящих морских эпизодов этой войны, о событиях которой он очень любил рассказывать.

Вследствие ранения, полученного им на войне, на его лице остался шрам; не будь этого знака, отец был бы очень красив. Мать, уже после его смерти, находила, что этот шрам придавал ее мужу особенную прелесть. Но, насколько я помню, это было не совсем верно: шрам этот скорее искажал лицо отца, делая его неприятным, в особенности когда он был в дурном расположении духа.

Отец скончался на той самой ферме, на которой родился. Она досталась ему в наследство от деда, английского эмигранта, купившего ее у голландского колониста, который при расчистке лесов успел только заложить ее фундамент.

Место это называлось Клаубонни.

Относительно происхождения этого названия мнения расходились: одни находили, что «Клаубонни» голландское слово, другие с этим не соглашались, предполагая, что оно скорее индейского происхождения. Во всяком случае, не случайно в этом наименовании было слово «bonny» (красивый), так как трудно было найти более красивую и в то же время более доходную ферму. В ней было триста семьдесят два акра прекрасно возделанной земли и лугов и более ста акров лесистых холмов.

В 1707 году наш дед построил на этом месте одноэтажный каменный дом. Затем родственники, жившие в Клаубонни, делали там всевозможные пристройки по своему усмотрению, так что в общем образовалась масса хижин, разбросанных как попало, без всякого плана и симметрии. Но в главном доме сохранился вестибюль и подъезд, перед которым была лужайка, состоящая из шести акров прекрасной земли, на которой росло несколько вязов, как бы случайно попавших сюда.

При виде Клаубонни невольно приходила в голову мысль, что собственником его должен быть зажиточный земледелец; но это не потому, чтобы там отмечалась какая-либо претензия, рассчитанная, чтобы произвести эффект, столь свойственная нашему времени.

Внешний вид вполне соответствовал внутреннему комфорту дома. Правда, потолки были низкие и комнаты маловаты, но зато в этих уютных комнатках бывало так тепло в зимнее время, летом же здесь ощущалась приятная свежесть; при этом поддерживались постоянная чистота и порядок. Гостиная, коридоры и спальня были покрыты коврами. В главной гостиной (о слове «зала», насколько я помню, в нашем краю не имели понятия до 1796 года) стояла софа, покрытая ситцем, с хорошо набитыми подушками; занавеси были также из ситца.

Мы были окружены виноградниками, лугами и долинами. Амбары, риги, все надворные строения были выстроены из прочного камня, подобно главному зданию.

Кроме доходов с фермы, у моего отца было еще четырнадцать-пятнадцать тысяч долларов, которые он привез с собой из морского плавания и поместил под залог недвижимого имущества. Затем мать принесла за собой в приданое семьсот фунтов стерлингов, помещенных также выгодно; таким образом, не считая двух-трех крупных землевладельцев да нескольких негоциантов, приехавших сюда из Йорка, капитан Веллингфорд слыл за самого зажиточного из всех жителей Ульстера. Не знаю, насколько правильно было подобное мнение, знаю только то, что лишь под отеческой кровлей я видел такое полное изобилие, помню также и то, что никогда ни один бедняк не уходил от нас с пустыми руками.

Правда, наше вино приготавливалось из смородины, но его вкус ничего не терял от этого, и в наших погребах его было припасено так много, что мы всегда могли пользоваться хорошим старым вином, простоявшим уже три-четыре года. Кроме того, у отца имелась про запас его собственная коллекция вин, к которой он прибегал в торжественных случаях.

Я помню, когда, бывало, к нам заезжал губернатор из Ульстера Джордж Клинтон, сделавшийся впоследствии вице-президентом, то отец угощал его прекрасной вест-индской мадерой. Что же касается прочих вин, таких как бордо, бургундское и шампанское, их в то время в Америке не употребляли; они появлялись лишь за столом богатых негоциантов, которым приходилось много путешествовать.

О посещениях губернатора Клинтона я упомянул не из хвастовства. Мои родители как родовые зажиточные помещики пользовались известным преимуществом и считались выше простых фермеров.

Отец познакомился с матерью в Клаубонни, когда он там лечился от ран; это время осталось для нее дорогим воспоминанием, в силу которого она находила, что шрам, изборождавший левую щеку отца, так шел к нему. Сражение между Трумбуллем и Уаттом произошло в июне 1780 года; а осенью того же года состоялась и свадьба родителей.

Отец более не служил на море до моего рождения, которое совпало с тем днем, когда Корнваллис сдался в Йорктауне. Эти последние события произвели сильное впечатление на молодого моряка; он чувствовал, что ему надо содержать семью, и в то же время ему захотелось в свою очередь разукрасить неприятеля такими же рубцами, которыми так гордилась мать моя, видя их на лице своего мужа.

Он опять поступил на службу и совершил на капере несколько удачных крейсировок; потом обзавелся бригом, которым самостоятельно управлял до 1790 года.

Внезапная смерть моего деда заставила его вернуться на родину. Капитан (моего отца все называли так) как единственный сын получил после деда все недвижимое имущество; что же касается шести тысяч фунтов стерлингов, они достались моим двум теткам, вышедшим замуж за людей, равных им по положению и проживавших по соседству с нами.

С тех пор отец навсегда распрощался с морем и жил постоянно на ферме, за исключением одной зимы, которую он провел в Альбани в качестве депутата; в то время это было большой честью: депутат считался особой. Теперь взгляды изменились.

Нас было пять человек детей, из которых остались в живых моя сестра Грация и я. Нам с ней выпало на долю утешать нашу мать в глубоком несчастье, неожиданно поразившем ее. Эта счастливейшая из женщин лишилась своего обожаемого, незаменимого мужа. В то время мне было тринадцать лет, а Грации – одиннадцать. Отец умер в 1794 году, причиной его смерти был несчастный случай.

В нашей долине находилась мельница на том месте, где протекает ручеек, образующий речку, впадающую в реку Гудзон. Для отца было большим удовольствием проводить время у этого ручейка и мельницы. Устройство ее на нашей земле было для него очень выгодно. Отсюда развозилась мука по окрестностям за несколько миль, а хлебными отбросами отец пользовался

для откармливания свиней и быков. Это местечко служило, так сказать, центром торговли, ибо сюда свозилось все произведенное на ферме и отправлялось в город на маленькой шлюпке каждую неделю. Целыми днями отец оставался у мельницы или на берегу реки, наблюдая за работами и делая распоряжения относительно оснастки судна и поправок мельницы. Иной раз ему приходили в голову действительно гениальные мысли, но при всей своей изобретательности он не был хорошим механиком, хотя и не сознавался в этом. Однажды он придумал новый способ останавливать колесо мельницы и приводить его в действие по собственному желанию. В чем именно состояло это изобретение, так я и не узнал; в Клаубонни никогда никем не упоминалось о нем после несчастного случая. Отец начал развивать перед работниками свою новую мысль и способы применения ее на практике. Чтобы доказать, до какой степени он был в себе уверен, он остановил колесо и лег на него, посмеиваясь над своим слушателем, который неодобрительно покачивал головой, видя такую неосторожность своего господина. В это самое время вдруг сорвалась одна из пружин, сдерживающих колесо, вода хлынула, и колесо начало вертеться, унося за собой бедного отца. Я был свидетелем этой ужасной сцены.

Как сейчас вижу перед собой его лицо в тот момент, когда он взлетел с радостным выражением одержанной победы. Колесо успело обернуться всего один раз – работнику удалось остановить его. Я вскрикнул от радости: отец стоял передо мной во весь рост, как будто бы ничего не произошло. В самом деле, он мог отделаться легким головокружением, не случись одного обстоятельства. Сознывая, что он мог упасть с высоты ста футов, он ухватился за колесо со всей силой, свойственной моряку; он прошел благополучно то место, где между полом и колесом было всего несколько дюймов, но при поднятии колеса его голова со всего размаху ударилась о бревно, которое размозжило ему висок. Казалось же, что он стоит как ни в чем не бывало, потому что его одежда, зацепившись за гвоздь колеса, удерживала его в горизонтальном положении.

Это было первое серьезное несчастье в моей жизни; я никогда не мог себе даже представить, что подобная вещь может случиться. Кажется, новая революция и британское владычество над нашей страной не произвели бы на меня такого потрясающего впечатления.

Несколько месяцев это зрелище не переставало стоять передо мной.

Мы с Грацией целыми днями, с глазами, полными слез, смотрели друг на друга, не будучи в состоянии произнести ни слова.

Такое молчание красноречивее всяких фраз. До сих пор я не могу хладнокровно вспомнить об отчаянии, овладевшем матерью.

За ней тотчас же послали, но, прибыв на место катастрофы, она не знала, как велико было постигшее ее несчастье.

Увидев труп, она вскрикнула и упала без чувств; несколько часов она находилась в обмороке, пока ее горе не вылилось в слова, обращенных к безжизненному телу, в которых слышалась вся нежность любящей жены...

Она обращалась к нему, как к живому существу:

– Милс, дорогой мой, незабвенный Милс! Отец, о незаменимый из всех отцов, открой же глаза твои, посмотри на детей своих, неужели не хочешь, чтоб они видели тебя!..

Но все было напрасно. Перед нами оставался безгласный труп, которого никакие мольбы и воззвания не могли привести к жизни.

Напрасно она не переставая целовала этот дорогой для нее шрам, оставшийся как раз на той части головы, которая особенно пострадала; ласки ее не помогли горю.

В тот же вечер тело было перенесено в наш дом, а затем на кладбище и погребено рядом с тремя поколениями наших предков, в маленькой каменной церкви незатейливой постройки.

Заупокойную обедню совершил наш добрый пастор, мистер Гардинг, человек праведной жизни. В этой церкви его родной отец крестил Милса Веллингфорда и венчал дедушку

с бабушкой. Здоровье ее все ухудшалось, и спустя три года после катастрофы на мельнице мистер Гардинг похоронил ее рядом с отцом.

За месяц до ее смерти мы с Грацией уже знали, что нам грозит новое несчастье.

Незадолго до ее кончины пастор подвел нас по очереди к изголовью умирающей, чтобы из уст ее услышать ее последнюю волю.

– Добрый мой Гардинг, – сказала она ослабевшим голосом, – вы своими руками крестили этих двоих детей, вы же неоднократно благословляли их Крестом Спасителя, пострадавшего за них, а потому обращаюсь к вам с просьбой, не покидайте их в трудные минуты их жизни, и особенно теперь, когда все так сильно запечатлевается в их молодой душе. Господь вознаградит вас за заботы о сиротах ваших друзей.

Добрый пастор, живший больше для других, чем для себя, обещал матери не оставлять нас, и ее душа спокойно отошла в иной мир.

Но эта потеря не была для нас настолько тяжела, как первая. При всей своей доброте и кротости, наша мать была глубоко верующей христианкой; мы не сомневались, что ее смерть являлась лишь переходом к более счастливому существованию, и утешали себя тем, что пришел конец ее страданиям и настало для нее вечное успокоение.

Но некоторое время спустя мы с сестрой почувствовали всю горечь этой утраты.

После смерти отца мне еще не приходилось осведомляться, в каком состоянии находилось его имущество. Мне говорили о завещании и о формальностях, которые надо было исполнить.

Наконец мистер Гардинг сообщил нам о положении дел и о своих намерениях относительно нас обоих.

Отец оставлял мне ферму, мельницу, шлюпку и все недвижимое имущество с тем, чтобы пользование ими было предоставлено матери до моего совершеннолетия.

По достижении его я должен был отдать ей флигель и выдавать часть всех доходов, затем выплачивать ей ежегодно до трехсот фунтов стерлингов.

Грации было завещано четыре тысячи фунтов стерлингов, помещенных под проценты. Все остальное, ценностью в пятьсот долларов, было мое. Так как общий доход составлял более тысячи долларов, то я мог считать себя прекрасно обеспеченным в материальном отношении, тем более если принять во внимание мое скромное воспитание.

Отец назначил нашими опекунами и душеприказчиками Гардинга и мою мать; после смерти последней исполнителем воли покойного являлся один мистер Гардинг. Таким образом мы с Грацией оказались под опекой нашего пастора, чему мы были очень рады, искренно уважая его и любя его детей, приходившихся нам почти ровесниками.

Руперт Гардинг был старше меня на один год, а его сестра Люси на шесть месяцев моложе Грации. С самого детства нас соединяла тесная дружба, к тому же мистер Гардинг уже давно руководил моим воспитанием и образованием.

Но, надо сознаться, что, несмотря на все данные, Руперт Гардинг далеко не удовлетворял успехами своего родителя. Я был гораздо сильнее его и еще за год до смерти матери уже был готов поступить в школу, но она хотела немного подождать, чтобы послать меня в Йель, где находилось заведение, намеченное для меня отцом, и Руперт мог бы сопровождать меня туда. Мать намеревалась доставить ему возможность получить полное образование, что было мечтой нашего пастора, предназначавшего своего сына в служители церкви.

Этот промежуток времени, данный мне вследствие таких добрых побуждений, послужил причиной тому, что мое дальнейшее существование приняло совершенно иной оборот.

Отец, кажется, хотел сделать из меня адвоката, конечно, из желания видеть меня в один прекрасный день занимающим почетное правительственное место. Но всякая умственная работа отталкивала меня; а потому я был в восторге, что мое поступление в училище было отложено на год.

Правда, учение давалось мне легко, я увлекался чтением книг, но преимущественно легкого содержания. Что же касается Руперта, то неспособным его нельзя было назвать, но он чувствовал положительное отвращение к науке и к тому же был ленив и упрям.

Его отец, как человек глубоко религиозный слишком высоко ставил свое призвание, чтобы принуждать сына сделаться священником; но все его надежды сводились к тому, что само Провидение внушит его Руперту мысль посвятить себя духовной карьере. Он не любил говорить о своей заветной мечте, но я знал о ней из разговоров с его детьми. Люси ждала с нетерпением того дня, когда ее брат получит кафедру, с которой ее отец и дед руководили божественной службой в течение полувека, что для нас, детей, казалось целой вечностью. Конечно, она желала этого для Руперта не из-за корыстных целей, а скорее в смысле нравственного удовлетворения. Их приход давал не более полутора ста фунтов стерлингов дохода, кроме того, пастор пользовался маленьким домиком и двадцатью пятью акрами земли, которая возделывалась двумя невольниками и двумя невольницами, перешедшими к Гардингу после его матери.

У меня тоже было двенадцать невольников. Это были негры, которые постоянно находились при нас. Мы их всех кормили и одевали. Но только половина из них были хорошими работниками; остальные же проводили время в полном бездействии: целыми днями валялись на траве, летом поедали фрукты сколько душе угодно, а зимой просиживали у камина. Назывались они все родовыми фамильными именами: Гектор Клаубонни, Венера Клаубонни, Цезарь Клаубонни, Роза Клаубонни (эта была черна, как галка), Ромео Клаубонни и Джульетта, попросту Жюли Клаубонни, затем Фараон, Потифар, Самсон и Навуходоносор – и все Клаубонни.

Неб, как сокращенно называли тезку вавилонского царя, был почти одних лет со мной и долгое время – моим товарищем в играх. Даже тогда, когда его стали заставлять серьезно работать, я все-таки брал его с собой на рыбную ловлю, на охоту, на прогулки в лодке по реке Гудзон.

Неб любил меня, как родного брата. Он гордился тем, что был собственностью мистера Милса; в то же время он был большой охотник до бродячей жизни. Они вместе с Рупертом то и дело сманивали меня бросить книги, побегать с ними, поискать орехов, которые, по мнению Неба, стоили больше, чем все книги, взятые вместе.

Под руководством Неба я прекрасно изучил ботанику, но зато сколько золотого времени ушло даром, безвозвратно!

Я забыл сказать, что со смертью матери в нашем хозяйстве произошла полная перемена. Мы с сестрой были слишком молоды и неопытны, а потому мистер Гардинг, исполняя волю матери, решил расстаться со своим пасторским домиком и поселиться у нас, в Клаубонни, вместе с детьми.

Мать знала, что его присутствие среди нас принесет нам громадную пользу. Кроме того, совместная жизнь с нами давала ему возможность сделать некоторые сбережения, отложить на приданое Люси сотни две фунтов стерлингов.

Мы с Грацией были в восторге, что обстоятельства сложились именно так, как нам хотелось. Мы все были счастливы. Каждый из нас имел свою комнату; мы весело расставались по вечерам, зная, что на следующий день будем опять все вместе.

Об учении не было речи целых два месяца; мы бегали по полям, рвали фрукты, орехи, смотрели на жатву, все время находились в движении, что, конечно, отозвалось очень благоприятно на нашем здоровье.

Могу сказать без хвастовства, что в 1797 году наши лица сияли такой миловидностью и свежестью, что невозможно было наглядеться на нас.

Руперт походил на свою мать: он обладал необычайной красотой и грацией. В манере держать себя в нем не было никакой натянутости, речь его лилась свободно, увлекая слушателей. Что касается меня, то, хотя я и не был так красив, но зато я был силен, энергичен, деятельен; в этом отношении я имел перевес не только над моим юным другом, но и над всеми моими

товарищами. У меня были густые темно-русые волосы, которые спускались на шею локонами. Только они и были хороши у меня, да и сейчас еще прекрасны, несмотря на то, что совсем поседели. Но кто был очарователен – это Грация. В выражении ее лица было что-то ангельское, неземное; глаза – темно-синие, щеки, покрытые нежным румянцем, и при всем этом – чарующая улыбка. Жаль только, что она была хрупким созданием, хотя вполне могла служить моделью для кисти художника.

Люси была прекрасно сложена. Ее красота была не столь броской; но в выражении ее лица была неизъяснимая прелесть. Ее волосы, черные как смоль, синие глаза и густой румянец делали ее внешность пикантной. Особенно хороши были ее зубы; смеясь, она так мило показывала их. В веселые минуты от всего ее существа веяло счастьем.

Утверждают, что нет человека, который относился бы вполне равнодушно к впечатлению, производимому на окружающих своей наружностью. Однако никого из нас, исключая Руперта, не занимали в то время подобные мысли. Я видел и признавал, что моя сестра выделялась красотой из всех своих сверстниц, и радовался за нее. Я знал, что я сам далеко не так красив, но мое самолюбие ничуть не страдало от подобного сравнения. Не завидовал я и Руперту; такая внешность, как его, вполне подходила для будущего пастора; мне же, готовящемуся объездить весь свет, нужны были хорошие мускулы, здоровье, мужество, энергия; все эти качества у меня были, и я гордился ими.

Относительно Люси я никогда не задавал себе вопроса, хороша она или нет. Для меня она была прелестна, и я любил смотреть на ее открытое, веселое личико. Когда наши глаза встречались, то в них, как в зеркале, отражалась ее честная, прямая душа, которой нечего было скрывать.

Глава II

Перестань удерживать меня, мой дорогой Протеус; молодые люди, которые вечно сидят дома, имеют ограниченный ум. – Лучшие иди со мной любоваться чудесами вселенной.

Шекспир

Ввиду несостоявшейся моей поездки в Йель, отложенной на неопределенное время, мистер Гардинг принялся серьезно за мое учение. Сначала он засадил меня за элементарные науки, которые под его руководством я изучил основательно. В короткое время я уже знал наизусть всю грамматику и безошибочно решал всевозможные арифметические задачи; мы уже начали проходить геометрию, тригонометрию и даже стихосложение.

Но в мои соображения отнюдь не входило сделаться ученым. Решение мое было принято. Только одно беспокоило меня: не высказывала ли мать своего определенного желания относительно моей карьеры.

По этому поводу я поговорил с Рупертом. Его ответ несколько покоробил меня:

– Какое теперь дело твоим родителям – будешь ли ты адвокатом, доктором, или негодником, или же фермером, подобно твоему отцу?

– Мой отец был моряком! – воскликнул я.

– Да, вот прекрасная, благородная профессия. Я отдал бы все на свете, чтобы сделаться моряком, на которого я не могу смотреть без зависти.

– Ты, Руперт?! Но ведь твой отец хочет, чтобы ты был пастором.

– Хорош я буду на пасторской кафедре! Нет, нет, Милс. Ты знаешь, мой прадед был морским капитаном, а из своего сына он сделал священника. Повернем же теперь медаль обратной стороной: пусть сын священника делается в свою очередь капитаном. Я люблю море, оно манит меня к себе. Ты же сам себе хозяин, – продолжал он, – и вправе располагать собой, как тебе угодно. Кто тебе мешает испробовать жизнь на море? Если она не понравится, ты всегда успеешь возвратиться на родину и здесь преспокойно косить сено и откармливать свиней.

– Однако, так же как и ты, без разрешения твоего отца я ничего не могу предпринять.

Руперт рассмеялся и стал убеждать меня, что раз я твердо решил не ехать в Йель и не быть адвокатом, то я могу уехать тайком; таким поступком я снял бы с его отца всякую ответственность. И нечего было терять время, ибо самое лучшее – поступить на морскую службу от шестнадцати до двадцати лет.

Признаюсь, что эти ловкие доводы Руперта вскружили мне голову.

Вскоре мне представился случай позондировать почву. Я спросил у мистера Гардинга, упоминалось ли в завещании отца о том, что я должен ехать в Йель и готовиться к адвокатуре. Ничего подобного не было сказано. Мать же говорила неоднократно, что ей желательно было бы, чтобы я сделался адвокатом, но что выбор деятельности она все-таки вполне предоставляет мне.

Я вздохнул с облегчением и объявил мистеру Гардингу, что я решил быть моряком. Это сообщение смутило доброго пастора, и я заметил по его лицу, что он рассердился, потому, вероятно, что в жизни моряка он предвидел для меня много соблазнов. Наше объяснение кончилось тем, что он мне сказал, что с моей стороны непростительно глупо бросать науку ради фантазии – объездить свет в качестве простого матроса.

Обо всем этом я рассказал Руперту. Он обвинил отца в преувеличенном пуританизме во взглядах. По его мнению, каждый человек – сам себе судья. И на море можно оставаться таким же святым, как на суше.

– Возьмем адвокатов для примера, – сказал он. – Интересно было бы знать, в чем проявляются их религиозные принципы? Они постоянно торгуют своей совестью, защищая правое и дурное дело с одинаковым красноречием и усердием.

– Клянусь святым Георгием, ты прав, Руперт! Сколько раз рассказывали мистеру Гардингу про старика Давида Доккетта: он зачастую исполняет две роли – адвоката и свидетеля, только бы гонорар был побольше. Он в состоянии часами разглагольствовать о каком-нибудь небывалом факте, придуманном его клиентами, и все это с видом знатока, убежденного в правоте своего дела.

Руперт много смеялся над наивностью своего отца, предполагавшего, что в адвокатуре можно обрести спасение души.

Наконец, после наших долгих рассуждений, он прямо предложил мне вместе с ним убежать в Нью-Йорк и поступить юнгами на какое-нибудь судно, отправляющееся в Индию.

Мне этот план очень улыбался, но меня испугало желание Руперта сопутствовать мне.

У меня был капитал, которым я мог располагать. Наконец, в случае неудачи в моем предприятии я всегда мог вернуться в Клаубонни и найти там средства к существованию. О предстоящих нравственных соблазнах я, конечно, не задумывался, считая себя неуязвимым.

Руперт же находился совсем в иных условиях. Несомненно, я заранее был готов всегда поддержать его в материальном отношении, о чем я и сказал ему. Моя мысль очень понравилась ему, и он решился заручиться моим согласием пожертвовать впоследствии часть моего состояния на его судно, которым он надеялся командовать.

– Конечно, все это прекрасно, Милс, – присовокупил опасный софист, – иметь деньги, помещенные под проценты, ферму, мельницу и прочее; но имей в виду то, что, обладая кораблем, из одного путешествия ты можешь привезти больше денег, чем получить от продажи всего твоего имущества. А ведь недаром люди говорят, что начинать дело ни с чем – значит иметь больше всего шансов на успех; а так как мы с тобой ничего не берем, кроме носильного платья, наш успех обеспечен. Мне нравится такое начало, это совсем по-американски. Не правда ли?

Действительно, в Соединенных Штатах существует поверье, что люди, начинающие свою карьеру без всяких средств, непременно добьются хороших результатов.

Целый месяц мы с Рупертом обсуждали наш проект до мельчайших подробностей. Чего мы с ним только не придумывали! Наконец я решил посвятить в тайну наших юных подружек, взяв с них предварительно обет молчания. Мой друг был против этого, но я слишком любил Грацию и ценил мнение Люси, а потому настоял на своем.

Сорок лет прошло со времени этого торжественного совещания, но мое воображение рисует мне его так живо, как будто бы все произошло только вчера.

Мы все вчетвером сидели на скамейке под тенью развесистого дуба. Перед нами открывался живописный вид на Гудзон. В воздухе была такая тишина, что лист не шелухнулся. Вдали белели паруса. Грация начала восторгаться.

Я воспользовался благоприятной минутой и заговорил:

– Я очень рад, что ты так любишь корабли; значит, тебе доставит удовольствие мое решение сделаться моряком.

Воцарилось молчание, длившееся две минуты. Я устремил глаза вдаль, как бы рассматривая лодки. Грация смотрела на меня в упор, я чувствовал на себе ее взгляд, и мне делалось неловко. Тогда я обернулся и встретился взорами с Люси; она пристально глядела на меня и, казалось, не верила своим ушам.

– Моряком, Милс? – медленно проговорила сестра. – А я думала, что уже вопрос решен, что ты должен изучать право.

– Какой вздор! Я столько же думаю о праве, как о судьбах Англии; я хочу видеть свет, и вот Руперт...

– Как, Руперт? – спросила Грация, вся изменившись в лице. – Но ведь его предназначают для служения церкви; теперь он должен быть помощником отца, впоследствии же – его преемником.

Руперт посвистывал с равнодушным видом, хотя на самом деле серьезный и взволнованный тон Грации произвел на нас свое действие.

– Ну, милые девушки, – сказал я, вооружившись мужеством, – нам больше нечего скрываться от вас; но то, что вы узнаете, должно быть тайной для всех.

– Кроме одного мистера Гардинга. Он должен знать о твоём решении; не забывай, что он заменяет тебе отца в настоящее время.

– Но согласишься с тем, что Руперту он родной отец.

– Опять Руперт! Что у него может быть общего с твоей затеей?

– Я до тех пор ничего не скажу вам, пока вы обе не дадите нам слово молчать.

– Я обещаю молчать, – произнесла Грация таким торжественным тоном, что я невольно вздрогнул.

– И я тоже, Милс, – добавила Люси так тихо, что я еле расслышал ее слова.

– Ну, вот это прекрасно. Я вижу, что вы благоразумные девицы и даже можете помочь нам. Руперт и я, мы оба решили быть моряками.

Они разом вскрикнули; затем воцарилось вторичное долгое молчание.

– А что касается права, к черту эту науку! – сказал я. – Разве был кто-нибудь из Веллингфордов законоведом?

– Но зато были Гардинги – пасторы! – произнесла Грация, стараясь улыбнуться.

– И моряки тоже! – воскликнул Руперт. – Мой прадед был морским офицером.

– Положим, всякая честная профессия достойна уважения, я это знаю, Милс, – сказала сестра, – но вопрос в том, объявили ли вы мистеру Гардингу о вашем намерении?

– Собственно говоря, мы ему ничего не говорили, да нам и не для чего спрашивать его согласия – мы уезжаем на будущей неделе, не сказав ему ни слова.

– Но ведь это жестоко, Милс! – проговорила Грация, тихо плача.

Люси закрыла лицо передником.

– Напротив, если мистер Гардинг будет заранее знать обо всем, то каждый вправе будет сказать, что он мог удержать нас, если же все совершится без его ведома, то он не ответствен за наши поступки. Итак, мы отправляемся на той неделе, как только будут готовы наши матросские костюмы. Мы поедем в лодке с парусами; возьмем с собой Неба, чтобы он потом мог вернуть лодку обратно. Теперь, раз вам все известно, нам нечего оставлять письмо мистеру Гардингу; вы обо всем расскажете ему дня через три после нашего отъезда. Наше отсутствие продолжится не более года, по прошествии которого мы возвратимся домой. И как нам будет весело встретиться после разлуки! Мы с Рупертом будем тогда уже взрослыми людьми, а теперь вы считаете нас мальчишками.

Представление последней картины несколько утешило наших подружек. Когда же Руперт, все время упорно молчавший, пустил в ход свое красноречие, то они и совсем успокоились.

Через два дня разговор возобновился. Наши сестры употребили все старания, чтобы склонить нас посоветоваться с Гардингом. Но видя, что все их увещевания были напрасны, они принялись деятельно снаряжать нас в путь. Сшили нам полотняные мешки для хранения платья, приготовили нам по праздничному и по будничному костюму. К концу недели все было уложено.

Небу было дано распоряжение приготовить лодку к отплытию к следующему вторнику. Нам необходимо было выехать вечером, чтобы не наткнуться на кого-либо.

Да, этот вторник был невеселым днем для всех нас, исключая мистера Гардинга, который, ничего не подозревая, оставался совершенно спокоен. Руперт ходил, опустив голову, точно его прибили, а наши дорогие девочки еле сдерживались, чтобы не разрыдаться.

В девять часов, по обыкновению, вся семья соединилась для общей молитвы. Затем мы все отправились спать, кроме мистера Гардинга; он остался работать до двенадцати часов ночи, вследствие чего нам надо было принять все меры предосторожности.

В одиннадцать часов мы уже скрылись из дома, поцеловавшись наскоро с сестрами, как будто расставались с ними только на ночь.

Мы боялись, что они на прощание устроят нам сцену, но мы ошиблись: обе прекрасно владели собой до последней минуты.

Мы удалились из дома с тяжелым сердцем, не говоря ни слова. За каких-нибудь полчаса мы прошли почти две мили и были уже на месте. Я только было обратился к Небу, как заметил в нескольких шагах от себя две женские фигуры. Это были Грация и Люси, обе в слезах; они пришли сюда проводить нас.

Меня сильно встревожило, что эти хрупкие создания так далеко от дома одни в такое позднее время. Я непременно хотел проводить их, прежде чем сесть в лодку, но они воспротивились; все мои мольбы были напрасны, пришлось покориться.

Не знаю, как это произошло, но в эти последние минуты свидания мы разделились попарно, и каждый из нас очутился подле сестры своего друга.

О чем говорили Грация и Руперт – мне неизвестно. Между Люси и мной все было честно и открыто; она настояла, чтобы я взял от нее шесть золотых монет, все ее состояние, доставшееся ей от матери. Она знала, что у меня было с собой всего пять долларов, а у Руперта – совсем ничего. Отказать ей не было возможности.

– Я буду спокойнее, – сказала она, улыбаясь сквозь слезы, – если эти деньги будут у вас. К тому же вы богаты и можете впоследствии возратить мне их, тогда как Руперту пришлось бы их подарить.

Я согласился, будучи заранее уверен, что возвращу ей мой долг с избытком. Тогда я обнял ее и крепко расцеловал.

Это было в первый раз за все время нашего знакомства.

– Пишите нам, Милс, пишите, Руперт! – говорили они рыдая, когда мы стали отчаливать.

Несмотря на темноту ночи, мы еще долго различали их фигуры, пока не сделали крутого поворота и пока громадная скала не заслонила от нас дорогих существ.

Итак, мы расстались с Клаубонни, волнуемые самыми разнообразными чувствами.

Глава III

Есть в городе один молодой человек: какое горе было бы для наших дочерей, если бы он уехал! Он так прекрасен со своими красивыми вьющимися волосами.

Бернс

Мы очень удачно выбрали время для отплытия. Начинался отлив, и наша лодка без всякого труда вышла из бухты, несмотря на то что ветер не доставал до нас из-за высоты берегов. Неб греб изо всех сил, я не отставал от него, тем более что находился в возбужденном состоянии, боясь погони.

Через каких-нибудь двадцать минут «Грация и Люси» – так называлась наша лодка – уже вступала в русло Гудзона.

Неб вскрикнул от радости в тот момент, когда мы почувствовали ветер. В несколько минут кливер и большой парус были водворены на место, руль был наставлен, шкот ослаблен, и мы быстро понеслись, делая по пяти миль в час.

По мере того как мы удалялись от дома, сердце мое сжималось от невыразимой боли; я вспомнил отца, его честные взгляды, его наставления об уважении и послушании старших. Затем мне представилась мать со всей своей любовью и страданиями, со своими мольбами, чтобы я оставался всегда честным. А я попирал ногами все свои обязанности. Казалось, что они оба смотрят на меня грустными, укоризненными глазами.

Грация и Люси, просящие меня, рыдая, сначала – отказаться от моего проекта, потом – писать им, неотступно стояли передо мной.

А мистер Гардинг? Какое страдание он должен был испытывать, узнав, что его бессовестно покинули его воспитанник и единственный сын! Наконец, мне стало жаль Клаубонни, сада, лугов, мельницы и прочего...

Спокойствие Руперта меня поражало, я еще не знал его таким. Казалось, он чувствовал себя совершенно счастливым.

Что же касается Неба, то его глаза были устремлены вдаль; что бродило в его голове? Не думаю, чтобы он упрекал себя за совершаемый им поступок; ведь он только исполнял волю своего господина, собственностью которого был.

Ни Руперту, ни мне не говорилось. Он, по правде сказать, плотно поужинал, и голова его начинала тяжелеть, мне же доставляло удовольствие молчать, уходя в свои мысли. Была полночь. Я вызвался дежурить первую четверть ночи, а моим спутникам предложил лечь спать, на что они с удовольствием согласились. Руперт расположился под палубой, а Неб растянулся на открытом воздухе.

Начало свежеть; я принужден был взять рифы, хотя ветер был попутный. В четыре часа я разбудил Руперта, он взялся за руль, а я лег на его место и заснул совсем спокойно, так как погода благоприятствовала нам. Неб позвал меня только в десять часов. Оказалось, что Руперт правил рулем всего один час, посадив вместо себя негра, который и продежурил от пяти до десяти часов. Неб разбудил меня главным образом для того, чтобы предложить закусить. Кажется, если бы он, бедный, умирал с голоду, то и тогда не решился бы поесть раньше своего господина. Руперт все спал.

Перед нами открывались новые места. День выдался прекрасный. Мы невольно предались радостному чувству; все восхищало нас. Я захватил с собой маленькую географическую карту, которой я весьма гордился, хотя в ней были некоторые неточности. Развернув ее, я принялся объяснять своим спутникам, указывая на скалистый восточный берег, что это не что иное, как целый штат Нью-Джерси. Даже Руперт был поражен столь великим открытием. А

Неб пришел в настоящий восторг; он заворочал своими большими черными глазами и выставил зубы ослепительной белизны. В то время путешествия еще не были так распространены, как в настоящее время, и для трех молодых американцев, из которых старшему не было еще девятнадцати лет, было очень приятно, что они могли похвастаться, что видели еще другой штат, кроме своего собственного.

Несмотря на быстроту езды, нам предстояло еще немало пути. К полудню подул с юга легкий ветер. Мы почувствовали прилив – пришлось бросить якорь. Это нам было не по вкусу, для людей, пустившихся в бегство, не особенно-то приятно быть вынужденными засесть на одном месте! Но вот начался отлив, и мы опять поплыли. Солнце уже клонилось к закату, когда мы увидели две-три колокольни, служащие для иностранцев указанием дороги к Нью-Йорку.

Первое, что нам бросилось в глаза по прибытии в город, это огромная тюрьма, которая показалась мне мрачным зданием, – я не мог смотреть на нее без содрогания. Неб, с видом глубокомысленного моралиста, сказал, что ему очень не нравится это сооружение. На Руперта тюрьма не произвела никакого впечатления; он вообще не отличался особенной чувствительностью.

В то время Нью-Йорк был небольшим городом; дома там отличались незатейливой постройкой. Церкви Святого Иоанна еще не было. Окрестности состояли большей частью из болот.

Проезжая вдоль набережных, мы увидели большой рынок, носивший название «Медведь», так как там начали торговать мясом этого животного.

Мы въехали в бассейн Альбани, находящийся в центре города; здесь мы издали узнали мачту нашей шлюпки «Веллингфорд», на что я обратил внимание Неба, так как он должен был обратно отправить лодку вместе со шлюпкой.

У меня имелся с собой адрес трактира для матросов в Уайт-Холле. Мы туда и отправились, взвалив мешки себе на плечи. Так как было уже поздно, то я заказал ужин. А Небу было приказано отправить лодку, а затем явиться к нам; мы ему строго запретили говорить о месте нашего нахождения.

На следующий день я забыл и думать о сестрах, о Клаубонни и мистере Гардинге. Нужно было действовать.

Позавтракав наскоро, мы пошли отыскивать подходящее для нас судно.

Я так торопился, что мне было не до достопримечательностей города; Руперт был бы не прочь все осмотреть, но спорить со мной не стал, и мы избрали кратчайший путь к рынку Флай-Маркету, около которого стояло несколько судов.

Я пожирал глазами корабли, перед которыми мы очутились; мне в первый раз приходилось видеть суда с квадратными парусами. Еще отец научил меня названиям главных частей корабля и парусов по модели, оставшейся в Клаубонни. Теперь мне эти познания очень пригодились, хотя сначала у меня разбежались глаза среди этого лабиринта снастей и парусов. Брасы, ванты, штаги – все это ясно вырисовывалось передо мной; что же касается такелажей, мне надо было по несколько раз разглядывать их, чтобы дать себе отчет, для чего они предназначены.

Насилу я оторвался от этого дивного для меня зрелища. Наконец мы нашли то судно, которое искали. Оно называлось «Джон» и было вместимостью в четыреста тонн, на нем планшир был совсем незначительный.

Когда мы поднялись на борт, все офицеры находились в сборе на палубе. Главного лейтенанта звали Мрамор – его лицо действительно было точно из мрамора с бесконечными жилками. Заметив нас, он переглянулся с капитаном, не говоря ни слова.

– Пожалуйте, господа, пожалуйста сюда, – сказал Мрамор одобряющим тоном. – Когда вы покинули вашу родину?

Этот вопрос заставил всех рассмеяться. Я чувствовал, что настал решительный момент: теперь или никогда. В то же время я был слишком правдив, чтобы выдавать себя за того, кем я не был на самом деле.

– Мы выехали вчера ночью в надежде поступить на службу на какое-нибудь из судов, отплывающих в Индию на этой неделе.

– Не на этой неделе, мой мальчик, а на будущей, – сказал Мрамор шутя, – а именно в воскресенье. Мы всегда выбираем этот день. Пословица гласит: «Хороший выбор влечет за собой удачу». Итак, когда же это мы решились расстаться с папашей и мамашей?

– У меня больше нет ни того, ни другой, – ответил я, глотая слезы. – Моя мать умерла несколько месяцев тому назад; и отец мой, капитан Веллингфорд, тоже скончался уже давно.

Капитан «Джона», имевший на вид около пятидесяти лет и отличавшийся суровой наружностью, весь так и просиял, услышав имя моего отца.

– Как, вы сын капитана Милса Веллингфорда, того самого, который жил при истоке реки?

– Да, капитан, его единственный сын. Нас осталось только двое: моя сестра и я. И мое пламенное желание – сделаться таким же хорошим моряком или хотя бы таким же честным человеком, каким всегда был мой отец.

Эти слова, произнесенные с уверенностью, произвели на всех прекрасное впечатление. Капитан пожал мне руку и пригласил нас с Рупертом отобедать. Оказалось, что капитан «Джона», Роббинс, совершил свое первое морское плавание вместе с отцом, у которого он был помощником и которого глубоко уважал. Он не стал меня много расспрашивать, находя вполне естественным, что сын капитана Веллингфорда пожелал сделаться моряком.

За обедом было решено, что мы с Рупертом примемся за исполнение обязанностей с завтрашнего же утра. Мне назначили жалованье в восемнадцать долларов в месяц, а Руперту – тринадцать. Капитан Роббинс заметил, смеясь, что сын пастора не может быть в претензии, что ему назначена меньшая плата, чем сыну известного моряка.

На самом же деле Роббинс, будучи хорошим наблюдателем, по одному взгляду на Руперта заключил, что из него никогда не выйдет настоящего моряка. Мы возвратились в трактир и, переночевав там, распрощались с Небом, который вместе со шлюпкой отправлялся домой и мог сообщить там, как обстоит наше дело.

Рано утром мы нагрузили маленькую тележку нашими вещами и через полчаса были уже на борту «Джона» и поселены в одну из боковых кают его.

Пока Руперт расхаживал по палубе, покуривая сигару, я полез на мачты, рассмотрел реи, потрогал клотики, вант-клоты, ракс-клоты и только тогда слез вниз.

Капитан, офицеры и прочие моряки посмеивались, глядя на меня. Как я был счастлив, когда вдруг раздалось приказание Мрамора:

– Слушайте, Милс, выдерните снасти из брам-стенги и сбросьте нам конец, чтобы мы могли заменить их новыми.

Голова моя пылала, я боялся осрамиться, однако тотчас же вскарабкался наверх и исполнил все как следует. Тогда Мрамор начал командовать мною снизу, и вскоре новая снасть была водворена на место с блестящим успехом. Это было начало моей карьеры, которое очень льстило моему самолюбию. Настала очередь Руперта. Капитан велел ему спуститься в каюту и посадил за писание. Почерк у него был прекрасный и скорый. В тот же вечер я узнал, что Руперт будет исполнять должность секретаря у капитана.

– Да, меня несколько не удивит, – сказал Мрамор, – если старик оставит его в этой должности на все время плавания, так как сам он пишет такими каракулями, что не в состоянии бывает ничего разобрать, не зная, с какого конца начать читать.

Накануне нашего отплытия Руперт отпросился пойти погулять по городу; по этому случаю он принарядился.

Я тоже побежал на почту, но, не зная дороги, очутился на Бродвее. Я уже собрался вернуться, как вдруг увидел Руперта с письмом в руках. Я прямо пошел к нему.

– Из Клаубонни? – спросил я с замиранием сердца. – От Люси?

– Из Клаубонни, но от Грации, – ответил он, покраснев. – Я просил бедную девочку сообщить мне, что там без нас делается. Что же касается Люси, я даже не знаю, как она пишет, и мне до нее нет решительно никакого дела.

Меня покорило, что моя сестра была в переписке с молодым человеком. Но я находил естественным, чтобы Люси писала мне, и в надежде получить от нее несколько дорогих строк, узнав адрес почтового отделения, я отправился туда. Через несколько минут я уже выходил оттуда с торжествующим видом, держа в руках ее послание.

Руперт предложил мне прочесть письмо моей сестры. Вот приблизительно его содержание:

Дорогой Руперт!

Сегодня утром в девять часов Клаубонни было в большом волнении. Когда беспокойство Вашего отца достигло высших пределов, я ему сказала всю правду и передала Ваши письма. Мне тяжело говорить: он заплакал. Слезы двух дур, как я и Люси, ничто в сравнении со слезами почтенного старика, пастора, глядя на которого разрывается сердце! Он не стал упрекать нас и ни о чем не расспрашивал.

Ведь еще не поздно? Вы можете возвратиться. Доставьте нам всем эту радость! Но, что бы там ни было, друзья мои, я пишу Вам обоим, хотя и адресовала письмо Руперту, не забывайте наставлений, полученных в детстве, и помните, что наше счастье зависит от Вашего честного поведения и Вашей удачи.

Преданная вам *Грация Веллингфорд*.

Люси писала более сдержанно, но в то же время более откровенно:

Дорогой Милс!

Я проплакала целый час после вашего отъезда, а теперь зла на себя, что пролила слезы из-за таких сорванцов. Грация сказала Вам, как был огорчен отец. Никогда в жизни я не испытывала такого страдания.

Вы должны возвратиться. Я чувствую, что готовится что-то ужасное. Отец все молчит; значит, он что-то придумал. Мы обе думаем о Вас не переставая. В случае, если Вы все-таки уедете в плавание, не забывайте писать нам. Прощайте!

Люси Гардинг.

P. S. Мать Неба объявила, что если он не возвратится к субботе, то она отправится разыскивать его. Какой срам! Невольница – убегающая из дома! Но я надеюсь, что Неб-то вернется и привезет с собой Ваши письма.

Но мы, прощаясь с Небом, ничего не послали с ним. Меня это очень мучило, но уже было поздно. Я отстал от Руперта, чтобы не скомпрометировать его своим простым матросским костюмом, и направился к «Джону»; при повороте с одной из улиц на набережную я вдруг столкнулся лицом к лицу с моим опекуном. Он шел медленными шагами, понутив голову, с глазами, устремленными на корабли. Но, вследствие рассеянности и благодаря моему костюму, он не узнал меня, и я благополучно добрался до своего судна.

В тот же вечер наш корабль был вполне оснащен. Воспользовавшись попутным ветром и отливом, «Джон» отплыл под кливером и стакселем и, выйдя в другой канал, бросил якорь. Теперь я находился на полмили от всякой суши и не мог дожидаться, когда увижу океан.

Мрамор, окинув пытливым взором свой экипаж, сказал капитану, что он очень доволен его составом. Это меня крайне удивило, так как я находил, что мы окружены были всяким сбродом.

Вскоре половина служащих отправилась спать. Нам с Рупертом дали прекрасный гамак, и мы были очень довольны. За ужином нам пришлось есть из общей чаши со всеми матросами, что нам было очень неприятно. В воображении рисовались маленькие белые ручки Грации и Люси, расстилающие скатерть, расставляющие стаканы, посуду, серебряные ложки. В то время в Америке еще не употреблялось ни салфеток, ни вилок, разве только у очень знатных особ.

На мою долю выпало стоять на вахте на протяжении четверти рейда вместе со шведом, хмурым стариком. Так как мы стояли на якоре при незначительном ветре, то мой товарищ выбрал себе дощечку, примостился на ней и захрапел, предупредив меня, чтобы я его разбудил в случае чего-либо. Я же стал расхаживать по палубе с такой важностью, как будто на моих плечах лежала охрана отечества.

На следующий день, в воскресенье, около десяти часов мы все принимали участие в поднятии якоря. Затем паруса надулись, и мы двинулись в путь. Сердце мое забилося от восторга при мысли, что я еду в Кантон, который называли тогда Индией. Вдруг Руперт окликнул меня, указывая на какой-то предмет, видневшийся из лодки как раз против нашего корабля. Я взгляделся в него и ахнул: это был мистер Гардинг, который в эту минуту узнал нас; он простирал по направлению к нам обе руки, как бы моля нас о возвращении. Но «Джон» стал быстро прибавлять ходу, и через несколько секунд мы потеряли мистера Гардинга из виду.

Спустившись, я нашел там Руперта с растерянным и испуганным видом. Я же облокотился на мачту и зарыдал. Это продолжалось несколько минут, пока не раздалось приказание лейтенанта, зовущего нас на палубу. Мы уже находились на таком большом расстоянии от лодки, что мистер Гардинг должен был потерять всякую надежду догнать нас. Не могу теперь с уверенностью сказать, обрадовало ли меня это или огорчило.

Глава IV

*Есть течение в человеческих делах, которое надо уметь найти.
Когда его встречают и умеют ему следовать, оно прямо приводит к
счастью. Иначе весь жизненный путь протекает среди невзгод.*

Шекспир

Четыре часа спустя после того момента, как я видел мистера Гардинга в последний раз, наше судно было уже в открытом море и летело на всех парусах под северо-западным ветром. Понемногу земля совершенно исчезла из виду. Мои взоры долгое время были устремлены на вершины Навезинка, но и они стали принимать туманное очертание и тоже скрылись из глаз. Только теперь я понял, что такое океан. Но матросу некогда предаваться своим чувствам. Надо было расставлять якоря по местам, отвязывать и скручивать канаты и прочее. Затем до самого вечера мы занялись распределением вахт. Я был назначен к Мрамору четвертым. Руперт же зачислен в четвертую вахту последним.

– Это потому, Милс, – сказал мне Мрамор, – что мы друг другу подходим. А вашему другу придется больше расходовать чернил на бумаге, чем дегтя на такелаж.

На борту все было приведено в порядок. Мы уже находились в двухстах милях от берега. Вдруг из трюма раздался громовой голос повара.

– Кричат два негра! – закричал Мрамор, разобрав, в чем дело. – Посмотрите, Милс, что там такое.

Я только собрался исполнить приказание, как появился Катон, повар, таща за собой негра. Каково было мое изумление, когда я в этом последнем узнал Навуходоносора Клаубонни!

Неб успел незаметно проскользнуть на борт еще до поднятия якоря и спрятаться среди бочонков; не накрой его Катон, он просидел бы так очень долго. Когда он очутился на палубе, он первым делом огляделся и, удостоверившись, что земли совсем не было видно, стал кривляться от радости. Мрамор нашел это дерзостью и так сильно ударил его кулаком, что белый человек упал бы на месте, но Неб остался неподвижен.

– А, так ты негр? – вскричал лейтенант, пнув его ногой. – Так на ж тебе!

От этого толчка у бедного Неба посыпались искры из глаз. Упав на колени, он начал молить о прощении, объясняя, что Мрамор ошибается, думая, что он убежал от своего господина.

Я вмешался в дело и объяснил Мрамору, кто такой Неб. Это открытие обошлось мне дорого: на меня посыпались насмешки, состоящие в прозвище «Джек», которым меня окрестили. Но я слишком любил Неба, чтобы сердиться на него за его поступок, тем более что им руководил слепой инстинкт – следовать за своим господином.

Когда капитану стала известна история Неба и он сообразил, что такой сильный и здоровый негр может ему быть полезен, ничего не стоя, он нашел ему подходящее дело – работу у снастей и вахту по правому борту. Я был очень рад такому распоряжению.

Неб рассказал мне, что он свез лодку, куда было приказано, видел, как ее прицепили к «Веллингфорду», затем скрылся, и благодаря двум долларам, которые были ему даны на прощанье, он поместился пока в трактире, а когда наш корабль был готов к отплытию, он незаметно пробрался на него и спрятался среди бочонков.

Вскоре все примирились с появлением Неба в нашей компании; он даже сделался общим любимцем всего экипажа, благодаря своей ловкости, живости и привычке работать.

Я совсем освоился со своим положением. Мы еще не доехали до острова Святой Елены, как я получил разрешение управлять рулем, и с этих пор я уже исполнял все обязанности матроса за малыми исключениями.

Обыкновенно путешествие из Америки в Китай проходит благополучно. Из всего нашего экипажа эконом да повар были единственные, которым пришлось огибать мыс Доброй Надежды во второй раз. Однако, когда мы пришли в Кантон, ни на кого из нас не произвели особенного впечатления бритые головы и странная одежда туземцев. Я все ждал необыкновенных чудес, но должен сознаться, что это путешествие было одним из самых монотонных, исключая последнюю его часть.

Мы простояли в реке четыре месяца, сделали большой запас чая, нанки, шелков и всего прочего, что требовалось нашему суперкарго. Я ездил неоднократно в фактории вместе с капитаном на его катере. А Руперт помогал суперкарго на суше или же писал в каюте капитана.

Мрамор, при всей своей неприветливости, был очень добр ко мне и не переставал просвещать меня; да и всем офицерам доставляло удовольствие посодействовать тому, чтобы из сына капитана Веллингфорда вышел дельный моряк.

Мы отправились в дальнейшее плавание весной 1798 года. Проехав через Китайское море, мы шли под всеми парусами по Индийскому океану; в это время произошло первое происшествие, которое заслуживает некоторого внимания.

Мы вышли на рассвете из пролива Зондских островов при густом тумане. К вечеру, когда день прояснился, мы заметили два судна, направляющиеся к Суматре. Судя по их внешнему виду, это были пироги. Но так как они шли от нас на очень далеком расстоянии, к тому же надвигались ночные сумерки, мы не обратили на них особенного внимания.

Мрамору приходилась вторая ночная вахта, а, следовательно, и я был на палубе от двенадцати до четырех утра. Целый час моросил дождь. Так как ночь ожидалась спокойная, все стоящие на вахте легли спать. Только я бодрствовал, сам не знаю отчего. Вспомнилось мне Клаубонни, Грация, Люси... последнюю я не забывал ни на минуту. Мрамор храпел изо всех сил, поместившись на курятник. Вдруг послышался легкий шум весла, затем показался небольшой парус – и я ясно различил, что это были пироги.

Я тотчас же закричал:

– Лодка совсем близко от борта.

Мрамор вскочил в одну секунду. Как опытный моряк, он сразу сообразил, в чем дело.

– Все сюда! – скомандовал он рулевому. – Все – наверх! Капитан Роббинс, господин Кайт, идите скорей, эти проклятые пироги сейчас столкнутся с нами.

Все были уже на ногах. Мрамор уверял, что должны быть две лодки, что это те самые негодяи, которых мы вчера видели.

Немедленно был отдан приказ направить все шкоты, и мы стали поворачивать через фордевинд, благодаря чему удалились от берега и вздохнули спокойно.

В это время капитан с несколькими старыми моряками стали раскреплять четыре пушки правого борта.

В проливе Банка мы их зарядили картечью и направили в сторону неприятеля; оставалось только выстрелить, что мы и сделали. Последовало торжественное молчание. Пироги продолжали наступать. Тогда капитан направил на них свою подзорную трубу и сказал Кайту вполголоса, что пироги полны народу. Тотчас же был отдан приказ приготовить все пушки без исключения и вынуть из сундука ружья и пистолеты.

Все эти приготовления не предвещали ничего доброго; я уже начал думать, что будет отчаянный бой и нам всем пережгут горло.

Я ждал, что вот-вот начнется пальба, но мы держались наготове, не стреляя.

Кайт взял четыре ружья и столько же пик и раздал их. С обеих сторон последовало мертвое молчание. Они находились от нас довольно далеко, и видно было, что они старались повернуть бушприт к попутному ветру, чтобы не идти рядом с нами.

Капитан решил повернуть на другой галс; «Джон» перевернулся вокруг себя подобно волчку.

Пирог, видя, что нельзя терять времени, пустились догонять нас. Но капитан тоже не дремал: живо распустились все паруса, и мы двинулись вперед. Казалось, они сию секунду забросят на нас дреки; если это случится – мы погибли, надо было более чем когда-либо сохранить присутствие духа. В эту критическую минуту капитан показал себя на высоте своего призвания. Он поддерживал тишину и держал всех наготове.

А Неб встал передо мной, чтобы в случае опасности защитить меня своей грудью. Но едва я пустился в размышления об этом новом доказательстве привязанности ко мне негра, как вдруг со стороны пирога раздался страшный крик, и затем над нашими ушами засвистела масса пуль. К счастью, они никого не задел.

Мы в долгу не остались и выстрелили из четырех пушек. Весь заряд попал во вторую пирогу. Послышались отчаянные крики. Первая пирога стала быстро наступать на нас. Пираты забросили на нас дрек, но, к счастью, он зацепился только за выбленки. Неб с быстротой молнии бросился к ним и перерезал выбленки ножом. В эту минуту пираты, бросив свои паруса и весла, лезли на борт нашего судна. Толчок был так силен, что человек двадцать из них попали в воду. «Джон», распустив паруса, стал подвигаться.

– По местам, к повороту! – раздалась команда.

На прощание мы пустили вдогонку пиратам весь остаток заряда. Обе пироги соединились и затем быстро поплыли к островам. Мы сделали вид, что преследуем их, на самом же деле были очень рады, что отделались от пиратов. Не думайте, чтобы мы после этого приключения спешили на покой. Только один Неб тотчас же залег спать.

Капитан, поздравив нас всех со счастливым окончанием дела, пошел осматривать судно, не потерпело ли оно аварии; пришлось кое-что исправить.

Нечего и говорить о том, что все мы, конечно, воображали, что совершили великий подвиг. Каждого из нас похвалили за храброе поведение, исключая бедного Неба: это ведь был негр!

В жизни всегда так бывает: самые геройские и благородные поступки подневольных людей остаются всегда в тени; они служат лишь для возвеличения славы особ уже известных. В данном случае решительность и находчивость Неба спасли «Джона».

Но когда я стал говорить об этом Мрамору, вот что он мне ответил:

– Да, с неграми случается иногда, что им вдруг придет в голову блестящая мысль, хотя, по правде сказать, это с ними бывает редко. Про Неба я могу сказать, что он – исключительное явление из представителей своей расы. Главное его достоинство в том, что в нем совсем нет самодовольства. В белом человеке самодовольство отталкивает, а в негре оно отвратительно.

На следующий день погода благоприятствовала нам; мы уже дошли до 52° восточной долготы. Но тут погода переменилась, подул юго-западный ветер. Мы направились к Мадагаскару. Целую неделю мы держались этого направления, пока не увидели землю; это были высокие горы, которые казались издали находящимися далеко от берега. Всю ночь мы следовали к северо-западу. Я был на утренней вахте и встретил на палубе Мрамора, который вступил со мной в разговор. Иногда он забывал разницу нашего положения на судне и говорил со мной, как с равным, но, спохватившись, резко прерывал свою фразу и тотчас давал мне приказания тоном начальника.

– Не правда ли, какая спокойная ночь, господин Милс, – начал он, – и какое прекрасное течение на западе, Роббинс пришел бы от него в восторг, я же – враг течений.

– Да, кажется, капитан расходится с вами во мнении по этому поводу.

– А мне думается, что он и сам-то, наверное, не знает, каково его мнение. Если он увидит течение, он непременно будет следовать за ним на край света, будучи уверен, что оно приведет его к желанной цели. Что же касается меня, то главным руководителем мне служит мой нос.

– Как, ваш нос, господин Мрамор?

– Да, именно мой нос, мистер Милс. Разве вы не обратили внимания, на каком расстоянии я разнюхал землю, когда мы проезжали мимо островов?

– Да, действительно, у Молуккских островов вы первый почувствовали приятный запах.

– Это что такое? – вдруг закричал Мрамор, вздрогнув всем телом.

– Как будто это вода, ударяющаяся о скалы.

– По местам, к повороту! – скомандовал он изо всех сил. – Бегите вниз, позовите капитана, Милс! Держи круче, все на ноги!

Последовало общее замешательство. Капитан, помощник лейтенанта и большая часть экипажа были уже на палубе.

Капитан приказал переменить галс, и, когда судно медленно повернуло, он спросил у Мрамора, что это все значило? Мрамор на этот раз, оставив свой нос в покое, предложил капитану и нам всем прислушаться.

Если мы не ошибались, мы попали в самую середину бурунов.

– Мы можем повернуть обратно, господин Мрамор? – спросил с беспокойством капитан.

– Да, командир, если только нет проклятого течения; теперь такая темень, что ничего не видно.

– Бросьте якорь и следите! – скомандовал капитан.

Кайт объявил, что глубина была шесть сажен.

Мы принялись за разворачивание каната; через несколько минут мы стали на якорь. Мрамор успокоился, только слышалась его бормотание: «Чертов мыс, проклятое течение».

Глава V

Они бросили нас на палубу судна и отвезли нас на несколько миль в море; там они приготовили гнилой остов лодки, без снастей, без парусов, без мачт, весь в дырах, проеденных крысами.

Шекспир

Нет ничего тягостнее выжидания. Наше судно продолжало стоять на якоре. Нам нечего было делать. Мертвая тишина царила на судне. Все наши чувства как бы превратились в один слух. Вне всякого сомнения, мы попали в такое место, где волны разбивались о скалы, со всех сторон нас окружали буруны. Хорошо еще, что ветер был слабый и лот продолжал показывать шесть сажен глубины. Капитан, потеряв терпение, непременно хотел сесть в лодку и объехать вокруг судна; но замечание Мрамора, что при такой темноте лодка могла наскочить на подводный риф, убедило его подождать еще.

Показалась наконец заря. Мы с возрастающим ужасом стали оглядываться вокруг. Мы стояли рядом с землей, но это были лишь голые отвесные скалы, вышиной по несколько сот футов. Перед нами, сзади, кругом торчали подводные камни, рифы и шумели буруны. Остается загадкой, как мы не погибли в такую темную ночь. Конечно, это Провидение спасло нас.

Таково было мое первое вступление на Мадагаскар.

Когда солнце засияло во всем своем блеске и море казалось спокойным, капитан вздохнул с облегчением. Наскоро позавтракав, капитан вскочил в лодку с четырьмя хорошими гребцами в надежде найти выход из этого лабиринта рифов.

Мрамор позвал меня на бак. По его таинственному виду и сжатым губам видно было, что он собирался говорить со мной по секрету.

– Слушайте, Милс, – сказал он, – положение нашего судна критическое: мы окружены лишь водой да подводными скалами. Не мешает приготовиться к худшему. Возьмите с собой Неба и «Джентльмена» – это прозвище дали у нас Руперту – и вытащите из баркаса все ненужные вещи, затем положите туда бочонки и ждите новых распоряжений. А главное – ни гугу. Если вас будут спрашивать, можете ответить, что вы исполняете приказание.

Через несколько минут все было готово. Во время наших приготовлений явился Кайт.

– Это зачем? – спросил он.

Мрамор объяснил за меня:

– Видите ли, баркас может всегда пригодиться, так как я не думаю, чтобы на маленькой лодке можно было уйти слишком далеко.

Это объяснение показалось всем таким естественным, что никому и в голову не пришло подозревать опасность, а потому никто и не удивился, когда Мрамор стал давать уже громко дальнейшие распоряжения:

– Милс, положите на борт мешок с сухарями и запас говядины.

Повару велено было приготовить несколько котлов со свиной, которой я взял еще и сырьем, так как это любимое кушанье матросов; они находят, что солонина напоминает вкусом орехи.

Капитан, возвратившийся через два часа, вообразил, что он сделал важное открытие.

– Вся беда, – сказал он, – произошла от водоворота, который следует за течением, и оттого, что мы слишком далеко от земли.

Во всяком случае, капитан надеялся вывести судно из беды. Заметив нагруженный баркас, спущенный на воду, он прикусил губу. Свиная продолжала вариться в котлах.

Принялись поднимать якорь. Вскоре все было готово. Наступил критический момент. Как нам миновать целый ряд подводных скал, о которые с яростью разбивались волны даже

в тихую погоду? При виде поверхности океана, то вздымающейся, то опускающейся, можно было подумать, что это грудь морского чудовища, тяжело дышащего во сне. Сам капитан не мог решиться тронуться с места. Меня с несколькими матросами послали в лодке к берегу, чтобы удостовериться, где именно находился водоворот. Оказалось, что он был как раз в том течении, в направлении которого стояло наше судно. Благодаря маленькой бухточке между скалами и другому обратному течению наш корабль мог маневрировать. Это известие всех нас обрадовало. Мы двинулись, затаив дыхание. «Джон» прекрасно слушался руля; нос его благополучно миновал водоворот, но здесь мы почувствовали неимоверную силу течения, которое влекло нас прямо на рифы.

Пришлось поворачивать на другой галс. Противоположное течение оказало нам большую услугу. Капитан осторожно направил в него судно. Мы обошли первый риф, только слегка задев его; толчок был незначительный. Капитан в восторге схватил руку Мрамора пожимая ее изо всей силы от полноты чувств.

Вдруг наше судно со всего размаху ударилось о подводный камень. Это произошло так неожиданно, что половина экипажа свалилась, в это же время слетели три стены под напором ветра.

Трудно себе вообразить смятение, овладевшее нами. Судно разом остановилось; при столь сильном толчке можно было подумать, что оно сейчас распадётся. Первый вал, встретив на пути своем такое препятствие, вырос перед нами в целую гору и обрушился на судно. Корабль накренился на бок и подался вперед, врезавшись еще больше в рифы.

Капитан был поражен. Отчаяние появилось на его лице, но только на одну секунду. Послышалась его команда. Он приказал опустить дагликс на баркас, а верп – в лодку. Мрамор заявил, что судно пробито. В трюме набралось воды на семь футов, и это в каких-нибудь десять минут! Но капитан не мог бросить своего «Джона» на произвол судьбы. Он велел побросать в воду весь чай, все лишние вещи. Тогда один из моряков, успевший в это время нырнуть, доложил, что наружная обшивка пробита громадным куском скалы.

Капитан созвал весь экипаж для совещания.

По закону торговое судно лишается права пользоваться услугами своего экипажа с того момента, как оно потерпело крушение. Значит, мы теперь все были свободны, не исключая даже и Неба. На военном судне – дело другое. Там республика продолжает выдавать плату, и моряк обязан окончить срок своей службы.

Капитан сказал, что в четырехстах милях от нас находится остров Бурбон; он надеялся найти там небольшое судно, на котором мы могли бы возвратиться к месту крушения, чтобы спасти часть груза, паруса и якоря.

Пристать к Мадагаскару было невозможно: туземцы его слыли в то время за дикарей.

Надо было снаряжаться в путь. Наши заблаговременные приготовления пришлось как нельзя более кстати.

Капитан принял управление баркасом, а Мрамор, Руперт, Неб, повар и я посланы в лодку с приказанием держаться поближе к баркасу.

Был полдень, когда мы покинули наш корабль. Благодаря попутному ветру мы плыли довольно быстро.

Несмотря на то что мы и теперь находились среди безбрежного океана, так сказать, в простой ореховой скорлупе, я чувствовал глубокую благодарность Создателю при мысли о том, скольких опасностей мы избежали.

Надо отдать справедливость Мрамору: он вел себя как настоящий философ; для него путешествие в четырехста миль в простой лодочке казалось самой обыкновенной вещью. Каждый из нас ненадолго заснул, невзирая на неудобства.

К утру подул холодный ветер; море начало слегка волноваться. Мы решили поднять парус, чтобы не отставать от баркаса. Ежеминутно приходилось освобождать лодку от наполнившей ее воды.

К ночи ветер усилился.

Мы убрали парус и взялись за весла, всячески стараясь противостоять волнам, которые могли затопить нас.

Мы и не заметили, что постепенно удалялись от баркаса, и к утру при восходе солнца мы убедились, что наших спутников и след простыл. День прошел благополучно; по расчетам, мы проехали более половины всего пути. На следующий день подул попутный ветер, продолжавшийся тридцать часов, за это время мы сделали более полутораста миль.

У всех глаза были устремлены на восток, каждому хотелось первому увидеть землю. Вдруг мне показалось, что вдали виднеется черная точка. Мрамор согласился следовать по направлению ее в течение часа.

– Но только одного часа, слышите, – сказал он, посмотрев на часы. – Это чтобы вы замолчали и не кружили бы мне голову понапрасну.

Мы принялись грести изо всех сил. Каждая минута была дорога для меня. Наконец Мрамор велел приостановиться – час прошел.

Мое сердце сильно билось, когда я влезал на скамейку; моя черная точка была все там же. – Земля! Земля! – закричал я.

Тогда сам Мрамор вскочил на скамейку и на этот раз сдался.

Без сомнения, перед нами был остров Бурбон. Мы с новой энергией приналегли на весла. К десяти часам нам оставалась всего миля до берега, но мы не могли выбрать места, к которому можно было бы пристать.

Как назло, поднялся сильный ветер, и только к утру мы нашли удобную бухточку.

Никогда в жизни я не испытывал такой благодарности к Провидению, как в ту минуту, когда после всех тревожений ступил наконец на твердую землю.

На острове мы пробыли неделю в надежде дожидаться баркаса с нашими товарищами. Но они не появлялись.

Тогда мы направились к Иль-де-Франсу. В то время там еще не было американского консула, и Мрамор, не имея кредита, не мог достать судна, чтобы возвратиться к «Джону», потерпевшему крушение. У нас тоже ни у кого не было денег. Одно из судов, отправлявшееся в Филадельфию, согласилось принять нас к себе на борт.

Так как нам нечем было заплатить за проезд, Мрамор взялся исполнять обязанности офицера, а мы должны были работать на баке. Этот корабль назывался «Тигрис» и считался одним из лучших американских судов. Капитан его слыл человеком дельным и знающим. Он был небольшого роста, лет тридцати, не более, звали его Диггс. Он сказал нам, что хотя его экипаж и в полном составе, но он берет нас только потому, что мы его соотечественники. На самом же деле ему нужны были многие люди; он взял к себе сверх комплекта пять человек из Калькутты для борьбы с пиратами, которые начинали тогда грабить американские суда.

Это было своего рода начало той quasi войны, которая разразилась с Францией спустя несколько недель.

Все это меня мало интересовало. Я думал об одном – возвратиться восвояси и совсем не беспокоился о новых опасностях, предстоящих нам.

Мы двинулись в путь и прошли приблизительно сто миль. Мы с Рупертом стояли на вахте. Я уже собирался идти на покой, как вдруг увидел в океане белый парус; приглядевшись, я распознал, что это был баркас «Джона». Меня это так поразило, что, ухватившись за фардун, я в один миг очутился на палубе и начал неистово махать. Мрамор, командовавший в это время вахтой, несколько раз дернул меня, чтобы заставить сказать, в чем дело.

Когда я наконец сказал ему, что это были наши, он немедленно доложил о том капитану. Диггс был человек добрый, он отнесся с большим участием к нашей истории. Из баркаса нас тоже увидели, и через каких-нибудь два часа он совсем приблизился к нам.

Вид баркаса произвел на нас всех удручающее впечатление. На дне его лежал почти мертвый негр. Капитан Роббинс и Кайт, эти два колосса, походили теперь на призраки: глаза их, казалось, выступили из орбит; когда мы заговорили с ними, они не в состоянии были вымолвить ни слова. Более семидесяти часов у них во рту не было ни капли воды, а что может быть мучительнее неутоленной жажды?

Во время урагана они вынуждены были для облегчения баркаса вылить почти всю воду из бочонков.

Капитан Роббинс, думая, что находится около острова Бурбон, надеялся пополнить там запас воды. Но они напрасно проблуждали десять дней и вконец выбились из сил.

Когда я помогал Роббинсу взобраться на борт, в его глазах промелькнуло сознание. Почувствовав себя в безопасности, он пошел, шатаясь, тяжело опершись на мою руку. Он направился к резервуару с пресной водой и молча указал мне на стоявший тут же стакан. Я дал ему напиться, тогда он оказался в состоянии сделать еще несколько шагов.

Капитан Диггс счел нужным дать подобающие предписания относительно больных: им дозволялось пить воду в маленьком количестве и не иначе глотать, как подержав ее сначала во рту, что значительно облегчило их страдания; затем, когда был готов завтрак, им дали немного кофе и по морскому сухарю, смоченному вином. Благодаря этим предосторожностям все были спасены. Роббинс и Кайт настолько оправились к концу недели, что могли приступить к исполнению служебных обязанностей. Но хотя с них ничего не спрашивалось, они всячески старались быть полезными.

Глава VI

Как пенящиеся волны мешают и затрудняют плавание!
«Макбет»

Бедный капитан Роббинс! Окрепнув от физических страданий, он стал испытывать нравственные: мысль о покинутом судне не давала ему покоя. Мрамор говорил мне, что Роббинс пробовал уговорить капитана Диггса отправиться на место крушения, но капитан и слышать об этом не хотел. Итак, «Джон» остался брошенным на произвол судьбы.

«Тигрис» было прекрасно устроенное судно; хотя оно незначительно превышало «Джона» своей величиной, но зато помещало двенадцать новых пушек. Экипаж его состоял из пятидесяти человек. Диггс, будучи воинственным и опытным в борьбе с пиратами, заставлял нас для практики ежедневно упражняться в стрельбе. К тому же он получил новые сведения касательно отношений между Францией и Соединенными Штатами; и когда мы приехали на остров Святой Елены, его судно было вполне готово для военных действий.

На острове капитан сделал запас продовольствия, но новостей никаких не узнал.

Жители острова Святой Елены были люди невежественные. Все, что они знали, – это названия судов, побывавших в Индии, да цены на мясо и овощи. Семьдесят лет спустя Наполеон просветил их.

Отчалив от острова Святой Елены, мы шли долгое время совершенно спокойно. Проезжая мимо французского острова Гваделупа, капитан Диггс приблизился к нему более, чем это было необходимо.

Заметив бриг подозрительного вида, капитан направил на него подзорную трубу и объявил, что это французский крейсер, даже, может быть, капер.

По-видимому, бриг старался догнать нас. После долгих совещаний решено было убавить ходу и выжидать неприятеля.

– Эти негодяи идут иногда прямо на abordage, не дав нам даже времени сообразить, в чем дело. Но меня-то они не застигнут врасплох. Милс, подойдите-ка к повару и скажите ему, чтобы он наполнил водой все котлы и скорее кипятил бы ее, а ко мне пошлите Мрамора.

Вслед за тем я увидел, что Неб вытаскивал из шлюпки пожарную трубу, которую он поставил около кухни. Мрамор приказал матросам наполнить трубу водой. Неб хлопотал изо всех сил.

– Ну-ка, черномазый, – сказал Диггс, – прицелься-ка в юферс, в самую середину. Пойдемте, господа, к трубе, пусть нам Неб покажет свою ловкость.

Капитан пришел в восторг: Неб попал фонтаном воды прямо в намеченную точку. Ему велено было не отходить от трубы ни на шаг. Вскоре последовал сигнал – опустить койки вниз.

Так как мы убавили ходу, то бриг удержался от стрельбы в нас. Казалось, он платил нам вежливостью.

– По местам! – раздалась команда.

Я встал на грот-марсель, а Руперт – на фор-марсель. Мы должны были делать вид, будто работаем над починкой судна. Затем капитан раздал нам ружья.

Как только все было готово, велено было молчать.

Уже совсем маленькое расстояние отделяло нас от брига. На нем было десять пушек меньшего калибра, чем наши.

Но следующее обстоятельство показалось мне подозрительным: люди, наполнявшие бак, старались скрыть свое присутствие за abordажными сетями. Я так и порывался вскочить на бакштаг, чтобы хорошенько разглядеть все, но не смел тронуться со своего поста. К счастью, у меня в кармане была газета и карандаш. Я умудрился наскоро написать несколько слов: «Бриг

полон вооруженных людей, спрятанных за абордажной сетью». Обернув этим клочком бумаги медную монету, я пустил ее на бак. Услышав шум, капитан посмотрел наверх. Я молча указал ему пальцем на бумажку и был награжден одобрительным жестом с его стороны. Прочитав мое послание, капитан велел Небу и повару наполнить трубу горячей водой.

С брига нас окликнули в рупор:

– Какое это судно?

– «Тигрис», возвращающийся в Филадельфию из Калькутты. А ваш бриг?

– «Безумие», французский капер.

– Откуда вы?

– Из Калькутты. А вы?

– Из Гваделупы. Куда вы идете?

– В Филадельфию. Смотрите не подъезжайте к нам так близко, с вами может приключиться несчастье.

– Что вы сказали? Несчастье? Мы что-то плохо слышим, а потому подъедем поближе.

– Говорят вам, отваливайте.

– Отваливайте! Это еще что значит? Ну, ребята, начинайте!

Эти слова были произнесены по-французски.

– Неб, за дело, – скомандовал капитан, – спрысни-ка их хорошенько, мой мальчик.

В ту же минуту пожарная труба была приведена в действие.

Французы бросились на свой бушприт, и тут весь заряд кипятка ошпарил большую часть из них с головы до ног. Некоторые бросились в воду, предпочитая холодную ванну горячему душу.

С «Тигриса» раздавались громкие раскаты смеха, и наше судно, ведомое рулевым, легко перевернулось на месте, как волчок, как будто его самого только что окатили водой¹.

Мы напрасно ожидали пальбы со стороны брига: французы удержались от нее, зная, что мы вооружены лучше их. Они поворотили на другой галс, так что оба судна оказались спиной к спине.

Капитан Диггс приказал поставить пушки на порт, предполагая, что наши «друзья» начнут извещать нас свое недовольство.

Действительно, едва мы были на расстоянии трех кабельтовых друг от друга, как раздался выстрел. Пушечное ядро, пробив крьюсель, пролетело между марсом и верхушкой мачты, пробило марсель и, наконец, ударилось обо что-то твердое. Я испугался за Руперта, который стоял там.

– Ого! Фор-марс, – закричал капитан. – Во что оно ударилось?

– В топ мачты; аварии нет, капитан, – ответил Руперт уверенным тоном.

– За вами теперь черед, капитан Роббинс, пусть они это попомнят!

Мы разом выпалили из двух пушек. С нашего борта послышались радостные восклицания – мачта французов была разнесена.

Таким образом битва окончилась. Главным ее героем был Неб. Его лицо так и сияло от радости, рот растянулся до ушей от удовольствия, несмотря на то что он более всех рисковал своей жизнью.

Да, бедняги порядком-таки пострадали от нас.

Я всегда считал, что именно это столкновение между «Безумием» и «Тигрисом» и послужило началом той враждебности, которая выказалась во время войны 1798, 1799 и 1800 годов. Целых девять дней в газетах только и говорилось об этом событии.

После этого происшествия с нами ничего особенного не случилось.

¹ Это исторический факт, происшедший во время войны 1798 года.

Недалеко от мыса Виргинии, когда мы направлялись к земле, мы заметили корабль, идущий на нас. Лейтенант капитана Диггса сказал ему, что это, должно быть, судно из Филадельфии, торгующее с Индией, что его имя «Ганг»; капитан же сомневался, говоря, что если это действительно «Ганг», то он изменился до неузнаваемости. Приблизившись к нам, незнакомец выстрелил из пушки и поднял американский флаг. По всем признакам это было американское военное судно.

– Не правда ли, это «Тигрис»? – спросили оттуда в рупор.

– Да. А ваше судно?

– «Ганг», корабль Соединенных Штатов, капитан Даль, с мыса Делавара. Приветствую вас, капитан Диггс. Ваши услуги могут быть нам полезны.

Диггс засвистел в ответ. Теперь все стало ясно. Это действительно был «Ганг», первое военное судно, посланное от правительства. Французские каперы вынудили нашу республику держать наготове несколько вооруженных судов вроде «Ганга».

Капитан Диггс отправился на «Ганг» в шлюпке, а я управлял ею, что дало мне возможность хорошо рассмотреть судно и его капитана. Даль, плотно сложенный, в своем морском мундире имел вид настоящего моряка. Он дружески потряс руку нашего командира и от души хохотал, узнав историю abordage и кипятка.

Доброе, открытое и в то же время самоуверенное лицо капитана так понравилось мне, что я еле удержался, чтобы не попроситься к нему на службу. Быть может, моя карьера и выиграла бы от этого.

Но Провидение решило иначе.

Предоставляю читателю судить, прав ли я был или нет.

После того как Диггс выпил со своим старым знакомым стакан-два вина, мы возвратились на борт «Тигриса».

Оба судна отправились в путь; «Ганг» поплыл на северо-восток, к Делавару. А мы в тот же вечер были около мыса Мей на расстоянии пяти миль. Ночью с мыса подъехал лоцман в лодке. Капитану Роббинсу хотелось во что бы то ни стало высадиться на берег. Для него было важно объявить о крушении его судна. Решили, что мы с Рупертом будем ему сопровождать, невзирая на позднее время. Мы собрались в одну минуту, увозя с собой лишь по паре белья да необходимые документы.

Не успели мы отчалить, как подул такой сильный юго-западный ветер, что лоцман предложил нам вернуться. Но это легко было сказать. «Тигрис» делал шесть-семь узлов; как же добраться до него, не имея возможности дать сигнала? Мы все работали не покладая рук, но маяк был от нас еще за целую милю. Руперт в изнеможении свалился на скамейку. Роббинс занял его место, а его посадил к рулю.

Мы находились в положении человека, который, цепляясь руками и ногами, чтобы добраться до вершины отвесной скалы, чувствует, что в последний момент его окончательно покинут силы.

Позади нас простирался громадный расвишривший Атлантический океан, и ни единого клочка земли между нами и обоими материками. Ничего съестного мы с собой не взяли, в надежде закусить на берегу; воды был всего один маленький бочонок. Матросы, бывшие с нами в лодке, не теряли надежды добраться до земли. К полуночи после трех часов нечеловеческих усилий я так ослабел, что весло выпало из моих рук. Капитан тоже изнемогал от усталости. Только матросы старались поддержать равновесие лодки, но и им силы начали изменять.

Оставался единственный путь спасения. Наше судно могло повернуть через фордевинд; в таком случае у нас являлась возможность встретить его у бухты. Мы напрягли последние усилия. Каждую минуту мне казалось, что я вижу «Тигрис», но тотчас же его образ терялся в пространстве. К счастью, ветер дул по направлению бухты. Вдруг Руперт вскрикнул – он увидел «Тигрис».

В самом деле это был он, обращенный носом к северо-востоку. Видно было, как он боролся с разыгравшейся стихией, но он шел перед нами с большой скоростью. Мы с яростью взялись вновь за весла. Капитан Роббинс принялся кричать в рупор. Но что значит человеческий голос среди этого ужасного концерта свистящего ветра и рева бушующих волн! Господи! Какое отчаяние овладело нами при мысли, что нас так и не услышат с судна! Мы все разом начали кричать. Какая-то неестественная сила еще поддерживала нас. Но тут набежала волна, залив нас водой. Мы уже более не сомневались в неминуемой гибели, но все же стали освобождать лодку от воды! Один из матросов начал вслух читать молитву, упоминая в ней имя своей жены. Вдруг нам всем послышался крик, точно из трубы: «Лодка!», и вслед за тем со стороны маяка показалась шхуна, направлявшаяся к нам на помощь. Мы не успели опомниться, как она своим водорезом ударилась в нашу лодку, которая сразу пошла ко дну.

В такие минуты некогда рассуждать – надо действовать. Я ухватился за ватерштаг, но он выскользнул из моих рук.

Падая в воду, я уцепился рукой за какой-то предмет, и в тот же момент один из людей экипажа удержал меня за волосы. Оказалось, что я ухватился за ногу нашего бедного матроса. Освободившись от тяжести, он же и помог спасти меня. Когда мы были на борту и стали считать друг друга, мы все были налицо, исключая капитана Роббинса. Шхуна повернула на другой галс и прошла еще раз по тому месту, где затонула лодка. Но о нашем старом командире не было больше ни слуху ни духу!

Глава VII

О, не забывай того часа, когда мы, переходя леса и долины, возвращались с нашим возждем в жилище его предков. Ни малейший ветерок не колыхал листвы в горных лесах: луна сияла на утесах бледными лучами, и природа тихо и молчаливо отдыхала вокруг дома, который возвышался перед нами.

Миссис Гиленс

Судно, на котором мы очутились, называлось «Марта Валлис»; оно направлялось в Бостон из Джемс-Ривера. Нам был оказан самый радушный прием. Капитан обещал нам отправить нас в Нью-Йорк с первым каботажным судном, идущим туда.

Но прошло более недели, прежде чем он мог сдержать свое слово. Наконец, в проливе Вайнъярд мы встретили судно, на котором нас приняли так же хорошо, как на «Марте Валлис». Здесь мы отдохнули и поели в свое удовольствие трески, мяса, свинины, хлеба с патокой и прочего. Узнали последние новости о войне против Франции и о событиях в Соединенных Штатах.

Через четыре дня мы уже подходили к Нью-Йорку. У нас с Рупертом не было с собой положительно ничего, кроме платья, в которое мы были одеты.

Но я не тужил об этом. Дома меня ожидала полная чаша. Да и Руперту нечего было беспокоиться, пока его отец и я оставались в живых.

И несмотря на это, я не расставался с золотыми монетами, данными мне на прощанье Люси, они были для меня священны.

Узнав, где пребывают владельцы «Джона», я отправился туда.

Я начал рассказывать историю своего путешествия, но оказалось, что Кайт уже предупредил меня.

Спустя три дня после урагана «Тигрис», благодаря попутному ветру, благополучно прибыл в саму Филадельфию, откуда большая часть экипажа «Джона» немедленно отправилась в Нью-Йорк. Так как наша лодка не возвращалась, то нас считали погибшими.

Хотя газеты и не были еще так распространены, как в настоящее время, все же у меня защемило сердце при мысли, что это печальное известие дойдет до Клаубонни ранее нашего появления там.

Владельцы «Джона» засыпали меня вопросами, каким образом наше судно погибло. Казалось, мои ответы вполне удовлетворили их. Тогда, вынув монеты, я попросил взять их в залог, а мне вместо них выдать маленькую сумму. Но мой залог отвергли; меня снабдили чеком в сто долларов, сказав, что я могу возратить их, когда мне заблагорассудится. Я спокойно согласился принять их, зная, что являясь владельцем Клаубонни, я всегда имел возможность вернуть долг.

Итак, мы с Рупертом могли приобрести все необходимое.

Мы отправились в бассейн Альбани в надежде застать там «Веллингфорд», но нам сообщили, что он только что отплыл, взяв к себе на борт негра с вещами его молодого хозяина; несчастный ездил в Кантон с молодым Веллингфордом, а теперь возвращался один на родину с печальным известием о гибели мистера Милса.

Нельзя было терять времени: надо было во что бы то ни стало опередить «Веллингфорд». Уложив наш багаж на пакетбот, мы поплыли на всех парусах.

Мое волнение было так велико, что я не мог решиться сойти с палубы до тех пор, пока не был брошен якорь вследствие прилива. С наступлением ночи Руперт преспокойно лег спать. Я последовал его примеру. На другой день около полудня я увидел «Веллингфорд», входящий в бухточку, но тут деревья скрыли его от наших глаз.

Едва мы очутились на берегу, как бросились бежать изо всех сил; даже Руперт не переводил дыхания; он наконец понял, сколько горя он причинил своему дорогому отцу и сестре!

Никогда еще Клаубонни не казалось для меня настолько привлекательным, как в эту минуту. Дом, утопающий в густой зелени аллеи, виноградники, прекрасные зеленые пастбища, бархатистая травка, слегка колеблющаяся под дуновением южного ветра, стада, расположенные группами под тенью деревьев, – все это навевало приятное спокойствие и довольство. И ради чего я расстался со всей этой прелестью? Для борьбы с пиратами, для крушения у берегов Мадагаскара!.. Я рисковал своей жизнью в маленькой лодочке среди бушующих волн и непроглядной тьмы! Да, это чудо вырвало меня из когтей смерти и возвратило меня на родную землю.

Мы уже были недалеко от леса, когда увидели, что наши сестры вошли туда, направляясь к нашей любимой беседке. В тот же момент показался Неб, шедший по другой дороге. Бедняга подвигался черепашьями шагами – ему нечего было торопиться с грустными вестями; мы, думая опередить негра, избрали кратчайший путь, но, застряв в кустарниках, опоздали. Неб уже стоял перед своими господами бледный как мертвец, не будучи в состоянии произнести ни слова, несмотря на то что Люси трясла его изо всех сил, чтобы добиться от него объяснений. Вдруг он повалился на землю и начал рыдать.

– В чем дело? – вскричала Люси. – Стыдно тебе, что ты убежал, или же с братьями приключилось несчастье?

– Это из-за меня, дорогая моя! – сказал я из-за кустов. – Но вот мы оба здесь, слава Богу, здоровы и невредимы!

Обе вскрикнули от радостной неожиданности, и в одно мгновение мы очутились в объятиях – я у Люси, а Руперт – у Грации. Как это произошло, трудно объяснить, потом каждый из нас поцеловал свою сестру. Они плакали от радости, говоря, что это первая минута счастья после целого года страданий.

Неб же не двигался с места, устремив на нас удивленный взор; он не верил своим глазам, сомневаясь, мы ли это. Удостоверившись, что это так, он опять повалился на землю, начал кататься во все стороны и мычать от радости. Затем, как стрела, пустился к дому, крича изо всей мочи:

– Мистер Милс возвратился! Мистер Милс возвратился!

Понемногу мы пришли в себя. Пошли бесконечные вопросы и ответы. Никто еще не знал о нашей мнимой гибели. Гардинг был здоров и служил обедню. Он сообщил Грации и Люси имя нашего судна, но умолчал о том, что видел нас перед отплытием.

Грация торжественно потребовала подробного рассказа о наших приключениях. Руперт как старший из нас начал ораторствовать, пустив в ход все свое красноречие. Особенно он распространился насчет ядра, просвистевшего над его головой, чем произвел сильное впечатление на Грацию. Люси же, зная страсть своего брата все преувеличивать, чтобы выставить себя героем, осталась равнодушной к его рассказам, даже прервала его:

– Ну, довольно о ядре, будем говорить о другом.

Скажу правду, я в Руперте сильно разочаровался. Во время путешествия он выказал весь свой эгоизм, незаметно сваливая на бедного Неба всю тяжелую работу, которую должен был исполнять сам. В душе он не чувствовал в себе призвания быть моряком, хотя язык его говорил совсем другое. Да и вообще он так изолгался, что верить ему стало невозможно.

Если я его еще любил, то это по привычке, а, может быть, потому, что он был сын моего опекуна и брат Люси.

В своем рассказе о наших приключениях он искажил все факты, подтасовав их с таким умением, что я даже не нашелся, чем срезать его.

Наговорившись всласть, мы стали вглядываться друг в друга; год разлуки должен был изменить нас. Руперт остался таким же, как был, только несколько возмужал. Он отпустил

маленькие усики, которые очень шли ему. Что касается меня, то я прибавил в длину и в ширину. Грация сказала, что я потерял всю свою миловидность, а Люси, краснея, уверяла, что я стал походить на огромного медведя. Но я не обижался. Люси заметила мне вполголоса:

– Вот что значит уехать, Милс; сидели бы дома, так никто и не заметил бы происшедшей в вас перемены, а теперь вас называют медведем.

Я быстро взглянул на нее, она вся вспыхнула, тихо прибавив:

– Но ведь я шучу.

Теперь была очередь Грации. Она очень похорошела, хотя совершенно утратила свое детское выражение.

Люси спокойно выдержала экзамен.

В ней не было той идеальной красоты, которая восхищает поэтов; это была просто очаровательная женщина во всех отношениях. Честная, открытая душа ее не знала сомнений; взгляды ее были положительные, и в привязанностях своих она отличалась постоянством. Даже Грация подпадала под ее влияние. Счастливые часов не наблюдают. Мы и не заметили, что проболтали целый час. Люси напомнила Руперту, что он еще не поздоровался с отцом, которому, конечно, успели возвестить о возвращении заблудших сынов. Надо было вымолить его прощение.

Гардинг несколько не удивился нашему приезду, так как по его расчетам мы именно теперь и должны были вернуться. Об упреках не было и речи. Он торжественно благословил нас, прощая от всего сердца. И я, не краснея, вспоминаю, что я, стоя перед ним на коленях, плакал искренними слезами раскаяния.

Когда мы все успокоились и подкрепились едой, Гардинг обратился ко мне, чтобы я ему рассказал обо всем случившемся. Мой рассказ был недолг и без прикрас. Совершенно забыв о себе, я старался быть справедливым к Небу, к его находчивости и энергии.

Мистер Гардинг не скрывал, что был счастлив, что мы опять с ним, а между прочим спросил нас, не надоела ли нам жизнь на море. Я ответил откровенно, что, напротив, не только не надоела, но что я мечтаю поступить на судно, имеющее каперское свидетельство Соединенных Штатов, и побывать в Европе. Руперт же поразил меня своим ответом. Он сказал, что ошибся, избрав себе неверную дорогу, но что теперь он готов сделаться юристом.

По-видимому, мистер Гардинг был удовлетворен ответом сына, но распространяться по этому поводу не стал, предоставив нам наслаждаться возвращением в Клаубонни. И мы прекрасно провели тот вечер. Руперт, изображая нашу жизнь на корабле в комическом виде, смешил всех до слез; это уже было по его части.

Сам Гардинг развеселился, как дитя, когда Неб после ужина стал описывать китайские костюмы, косы и башмаки.

Навряд ли с самого основания Клаубонни в нем так веселились, как в этот памятный вечер.

На следующий день мой опекун дал мне, так сказать, полный отчет за истекший год. Дела мои были в блестящем положении, капитал значительно увеличился. Я тотчас же про себя подумал, что по достижении совершеннолетия у меня будет на что приобрести себе судно, которым я буду командовать.

Но мой опекун не заглядывал в будущее. Он мне только заметил, что надеется, что я подумаю, прежде чем окончательно решиться на выбор моей карьеры; я ответил почтительным наклоном головы.

Настали радостные дни в Клаубонни. Мистер Гардинг предложил нам совершить далекую экскурсию, но никто на нее не согласился – нам было слишком хорошо у себя дома.

Руперт под руководством отца читал барышням книжки, а я большую часть времени упражнялся в гимнастике.

Я сделал две-три крейсеровки по реке на «Грации и Люси»; наконец, мне в голову пришла мысль – свезти всю компанию на «Веллингфорде» в Нью-Йорк. До сих пор кроме шхун да шлюпок они ничего не видели, а с той поры, как я стал моряком, им непременно хотелось посмотреть на трехмачтовое судно с полной оснасткой.

Мистер Гардинг думал, что я шучу, но Грация сгорала от нетерпения побывать в большом городе; Люси же принимала сосредоточенный вид каждый раз, как я заговаривал о поездке, предполагая, что она обойдется дорого ее отцу. Но все устроилось как нельзя лучше. Несмотря на свою крайнюю щепетильность, мистер Гардинг согласился, что за проезд нечего платить, раз «Веллингфорд» всех с нашей фермы всегда возил даром. Потом в Нью-Йорке жила его кузина, миссис Бадфорт, зажиточная вдова, у которой он всегда останавливался, когда ему приходилось присутствовать на съезде членов епископально-протестантской церкви.

У нее был большой и вместительный дом на Уоллстрит, и она не раз звала к себе погостить Грацию и Люси.

– Вот как мы сделаем, – сказал Гардинг. – Я остановлюсь вместе с девочками у кузины, а молодые люди устроятся в гостинице. Сегодня же вечером я напишу ей, чтобы не застигнуть врасплох.

Миссис Бадфорт ответила немедленно. На другой же день после получения письма весь дом, не исключая и Неба, двинулся в путь на «Веллингфорде». Какая разница между этим путешествием и предыдущим! Наши девицы всем восхищались, восторгам их не было конца.

Мы благополучно прибыли в Нью-Йорк, где я показал моим спутницам тюрьму, Бэр-Маркет (рынок «Медведь») и колокольни Святого Павла и Троицы. Уолл-стрит, на которой жила миссис Бадфорт, в 1799 году был совсем не такой, как в настоящее время. На том месте, где теперь столько дворцов богачей, тогда стояли скромные провинциальные домики, на мой взгляд куда симпатичнее, чем эти каменные замысловатые постройки.

Миссис Бадфорт встретила нас с распростертыми объятиями. Для нас с Рупертом у нее уже была приготовлена комната; не было никакой возможности избежать ее гостеприимства. В какой-нибудь час она нас всех разместила, и мы почувствовали себя как дома.

Я не буду распространяться о том, как мы все были счастливы. Так как наши лета не позволяли нам выезжать в свет, то мы отправились осматривать достопримечательности. Меня теперь разбирает смех, когда вспомнишь, в чем они тогда состояли. Был там музей, от которого не отказался бы любой город на западе; цирк, управляемый каким-то Риккетсом; театр Джон-Стрита, очень скромное здание; и лев – настоящий живой лев, посаженный в клетку за городом, чтобы его рычание не смущало народ. Когда мы осмотрели все эти чудеса, Гардинг разрешил нам пойти в театр вместе с миссис Бадфорт. Это нам всем доставило большое удовольствие. Хотя мы с Рупертом побывали даже в Китае, но на спектакле нам еще не приходилось присутствовать ни разу в жизни.

Глава VIII

Ты всегда все то же, вечное море. Земля имеет свои различные формы долин и холмов, деревьев и цветов; полей, которые согревают жгучие лучи солнца, которые сковывает ледяное дыхание зимы, которые осень покрывает золотым руном; ты же, ясно ли твое чело или отягчено бурей, неизменно выбрасываешь свою рдеющую пену на берега.

Лент

Несколько дней спустя после нашего приезда в Нью-Йорк я имел серьезный разговор с опекуном относительно моих новых планов.

Испробовав жизнь на море, я в душе считал себя уж опытным моряком, и, решив продолжать начатое дело – идти по следам моего отца, – я объявил мистеру Гардингу, что не возвращусь в Клаубонни, но воспользуюсь пребыванием в Нью-Йорке, чтобы подыскать себе подходящее судно.

В этом я мог вполне положиться на Неба, а потому и приказал ему походить по набережным и присмотреться к приставшим судам: из него выработался уже очень порядочный матрос, и морская профессия была ему по душе. Вообще в Небе было много достоинств, и мало-помалу я стал любить его почти как брата.

Однажды, когда я сам разгуливал по набережной, я услышал позади себя громкий голос:

– Ей-богу, капитан Вильямс, чего вам раздумывать, возьмите его третьим офицером, лучшего вам не найти во всей Америке.

У меня было точно предчувствие, что речь шла обо мне, хотя я не сразу узнал голос. Повернувшись, я увидел Мрамора с человеком средних лет; они оба смотрели на меня сквозь abordажные сети торгового судна. Я раскланялся с Мрамором, который дал мне знак подняться на борт и представил меня капитану по всем правилам приличия.

Судно это называлось «Кризис». Оно было невелико, но прекрасно устроено, имело водоизмещение в 400 тонн и десять новых пушек. Будучи уже нагруженным, оно было готово к отплытию, но задержка состояла в том, что не могли найти третьего лейтенанта. Офицеры встречались редко: все молодые люди поступали в военный флот. Вот Мрамор и отрекомендовал меня. Я не надеялся на такое быстрое повышение, хотя сознавал, что эта должность мне по силам.

Капитан Вильямс проэкзаменовал меня в течение пятнадцати-двадцати минут, поговорил наедине с Мрамором и затем не колеблясь предложил мне занять это место. Нам предстояло совершить кругосветное плавание; уже одна эта мысль восхищала меня. В Англии наше судно должно было выгрузить муку и нагрузиться сандалом, затем направиться к западным берегам Америки, а потом в Кантон; здесь – променять товары на чай и так далее и возвратиться в Соединенные Штаты.

Жалованье мне назначили тридцать долларов в месяц.

Подумав несколько минут, я решил принять предлагаемое мне место, тем более что согласились взять и Неба в качестве простого матроса. Я отправился к нотариусу подписать условие. На этот раз все совершалось по правилам. Самого мистера Гардинга вызвали для дачи согласия. Он был в очень хорошем расположении духа, так как он, в свою очередь, только что заключил условие, в силу которого один из его друзей-адвокатов обязывался руководить обучением Руперта.

Миссис Бадфорд предложила полный пансион своему молодому родственнику; отцу оставалось только одевать его и снабжать карманными деньгами.

Но, зная характер Руперта, я сомневался, чтобы он довольствовался несколькими долларами, которые мистер Гардинг мог ежемесячно выделять ему. Я в деньгах не нуждался, а

потому устроил Руперту кредит в двадцать долларов ежемесячно. Как собственник Клаубонни, я пользовался доверием, меня даже считали богаче, чем я был на самом деле.

Я делал это от всего сердца. Но мне было грустно, что Руперт без всякого стеснения соглашался принимать от меня эту маленькую жертву.

В три дня «Кризис» совсем приготовился к отплытию. Капитан Вильямс рассчитывал отправиться в четверг, но что-то задержало его; о пятнице не могло быть и речи – в этот день в 1798 году никто ничего не предпринимал. У меня оказался лишний свободный день, и я отправился погулять.

Руперт, Грация, Люси и я задумали сделать маленькую экскурсию по окрестностям Нью-Йорка. Нам с Люси было очень тяжело расставаться надолго. Мое путешествие могло продолжиться три года; я уже тогда буду совершеннолетним, а Люси – совсем взрослая девушка, девятнадцати лет. Сколько перемен произойдет за это время!

– Руперт будет адвокатом, когда я возвращусь, – сказал я.

– Да, – ответила Люси, – и знаете, Милс, я теперь начинаю жалеть, что Руперт больше не будет с вами. Вы так давно знаете и любите друг друга! И потом вы вместе подвергались таким ужасным испытаниям!

– Ничего, я спокоен. Неб остается со мной, а Руперту приятнее быть на суше. Его призвание – адвокатура.

– Однако, Милс, Неб – не Руперт, – заметила Грация с упреком.

Люси промолчала, и я не нашелся ничего сказать в ответ на это.

– Но вы будете иногда думать о нас, Милс, – проговорила Люси с глазами, полными слез.

– О, еще бы! Смею надеяться, что и вы не забудете меня. Да, кстати, я еще не возвратил вам своего долга. Вот вам обратно ваши золотые монеты, посмотрите: это те самые, которые вы мне дали на прощанье; я скорее согласился бы лишиться своего пальца, чем израсходовать хотя одну из них.

– А я думала, что они пригодятся вам. Но вы отняли у меня эту иллюзию.

– Разве вам неприятно знать, что у меня не было крайности прибегнуть к ним? Зато теперь, когда я уезжаю с разрешения мистера Гардинга и ни в чем нуждаться не буду, я возвращаю вам ваше золото с процентами.

С этими словами я хотел вложить ей в руку маленькую вещицу, но Люси так стиснула свои пальцы, что я не мог ничего поделать.

– Нет, нет, Милс, я ведь не Руперт. Можете сделать иное употребление вашим деньгам.

– Как деньгам! Но ведь это маленький медальон на память о нашей дружбе.

Пальчики Люси раскрылись так же свободно, как у ребенка, и я беспрепятственно вложил в ее руку мой подарок, который ее очень обрадовал.

На нем были вырезаны наши четыре вензеля, перемешанные с волосами. Как я был счастлив, увидев, что она прижала медальон к своему сердцу! Но тогда я этому не придавал особого значения.

Я не буду распространяться о нашем прощании. Когда мы возвратились с прогулки, мистер Гардинг позвал меня к себе в кабинет, благословил и обещал не забывать в своих молитвах. Люси ждала меня в коридоре. Она была бледнее обыкновенного, но казалась спокойной. Передавая мне маленький томик Библии, она сказала, подавляя свое волнение:

– Это вам на память обо мне, Милс, читайте ее и думайте о Боге!

Затем, наскоро поцеловав меня, она скрылась в свою комнату и заперлась. Грация была внизу. Она припала к груди и зарыдала, как дитя. Я насилу вырвался из ее объятий.

Руперт проводил меня до судна, на котором пробыл час-два. Выходя из дома, я обернулся: окно раскрылось, из него выглянула головка Люси. «Пишите нам, Милс, пишите почаще», – были ее последние слова.

Мы тронулись с восходом солнца при попутном ветре и благоприятном течении. Проезжая мимо Баттерси, я увидел на берегу Руперта и с ним двух женщин, машущих платками; это последнее доказательство их привязанности и обрадовало, и опечалило меня на весь день.

«Кризис» было судно очень легкое на ходу, легче даже «Тигрису». Здесь я мог пользоваться полным комфортом: нам подавались скатерти, тарелки, кувшины и прочее; одним словом, на «Кризисе» имелись все сладости жизни, какие только можно себе представить на борту торгового судна.

С нами вместе вышло около дюжины разных судов; между ними – два военных корабля от республики, перед нами – несколько торговых судов, которые, казалось, намеревались соперничать с нами в скорости хода. Мы все прошли мель на расстоянии одного кабельтова друг от друга, но скоро мы обогнали их на целую милю, что нас всех привело в настоящий восторг. Мрамор стал доказывать, что наше судно превосходит все не в одной скорости, но также и в других отношениях. Что ж, не мешает быть о себе хорошего мнения, а тем более о корабле, к которому принадлежишь!

Я должен сказать правду, что в первые минуты я не совсем хорошо чувствовал себя в своей новой должности, будучи еще очень молодым, чтобы командовать людьми, годящимися мне в отцы и опытными в морском искусстве. Но достаточно было нескольких дней, чтобы я приобрел уверенность в себе и заставлял бы исполнять свои приказания так же поспешно, как это сделал бы главный лейтенант. Приблизительно недели через две, когда я находился на вахте, наше судно было застигнуто сильным ветром. Мне удалось с большим успехом взять на гитовы все паруса. Капитан Вильямс остался очень доволен моими распоряжениями и, главное, тем хладнокровием, которое не покидало меня. Впоследствии я узнал, что во все время ветра он стоял на борту люка, запретив другим лейтенантам показываться. Я был предоставлен самому себе и прекрасно со всем справился. Раньше капитан Вильямс имел обыкновение заходить на палубу во время моей вахты: посмотреть на небо и все ли в порядке. Но теперь он прекратил эти визиты, доверяя мне, как самому Мрамору. Похвалы капитана, а еще более доверие его ко мне доставили мне большое удовольствие.

Наш переход затянулся в ожидании благоприятной погоды. Наконец подул попутный ветер, и мы пошли как следует.

На другой день, когда я был на утренней вахте, на самом рассвете показался парус на траверсе. Это было судно, несколько больше нашего и со скорым ходом. Когда взошло солнце, капитан и главный лейтенант взошли на палубу. Сначала они оба думали, что это английское судно, возвращающееся из Западной Индии. Но, присмотревшись внимательно, Мрамор стал уверять, что судно – французское. Капитан Вильямс решил идти прямо на него, чтобы рассмотреть его вблизи. На нем было двенадцать пушек. Этого было достаточно, чтобы мы держались настороже. Как только мы приблизились к нему, капитан объявил, что, вне всякого сомнения, это французское судно, имеющее так же, как и мы, каперские свидетельства. Не успел он произнести последних слов, как неприятель принялся стягивать лисели, брать на гитовы брамсели – одним словом, готовиться к битве.

Мы подняли свой флаг с раннего утра. Французы же сохраняли свое инкогнито до тех пор, пока все легкие паруса не были уложены. Тогда с их стороны послышался выстрел из пушки, и взвилось на воздух трехцветное знамя, столь симпатичное, как эмблема христианства, но менее счастливое в океане, чем на суше. Несмотря на то что между французами бывали прекрасные моряки, результаты их действий оказывались большей частью плачевными. Многие полагают, что это следствие неправильной системы, предшествовавшей революции: назначать на ответственные места не по достоинству, а по знатности происхождения. И на практике оказывалось, что изнеженные аристократы не в состоянии бывали выполнить тех трудных обязанностей, которые требовались от каждого хорошего моряка.

Английское или американское судно при встрече с французским уже заранее было уверено в своей победе, хотя иной раз случалось и разочаровываться. Но надо отдать справедливость французам. В сражении они выказывали большое мужество, а подчас – и умение. Так было и на сей раз. Наш капитан сразу почувствовал, что ему придется иметь дело с опытным и неустрашимым противником. Но отступать уже было поздно, и мы также начали готовиться к бою. Мрамор был как рыба в воде. С каким хладнокровием и поспешностью он командовал! В десять минут все было готово.

Действительно, трудно встретить два торговых судна, обнаруживавших в своих приготовлениях столько искусства и знания дела, как это выказалось со стороны «Кризиса» и «Дамы Нанта» – так назывался наш неприятель. В тот момент, как мы выстроились рядом с «Леди» (прозвище, данное французскому судну нашими матросами), оба судна выпустили заряды одновременно.

Меня поставили на бак с приказанием следить за снастями и стрелять из ружья лишь в критические минуты.

Началось с того, что упали два блока от шкотов и кливера. Пока мы перестреливались с «Дамой Нанта» в течение двух часов, у меня дела было по горло, я даже не мог оглядеться вокруг себя, сообразить, кто одерживает победу. Многие из нашего экипажа были убиты и ранены, снасти сильно повреждены.

Очевидно, французы были вдвое многочисленнее нас. Вдруг над моей головой раздался страшный треск, и, подняв глаза, я с ужасом увидел, что повалилась главная фор-стенгга с реями и парусами на брасы фоков. Тотчас же капитан приказал всему экипажу оставить пушки и приступить к исправлению аварии. В тот же момент и неприятель прекратил стрельбу. С обеих сторон сообразили, что это безумие для торговых судов продолжать наносить друг другу вред, вместо того, чтобы позаботиться о необходимом – починить повреждения.

Правящие рулем действовали с большой осторожностью. «Кризис» поворотил к ветру, а «Дама Нанта» удалилась от нас на целую милю.

За работой мы и не заметили, как наступила ночь.

В этом сражении из нашего экипажа два человека было убито на месте, а семеро – ранены; из них двое умерло, а остальные выздоровели, за исключением одного лейтенанта, который не мог поправиться во всю жизнь, так как человек, находящийся на нашем корабле в качестве хирурга, не сумел извлечь пули из его раны. В ту эпоху хорошие врачи были редки, и те практиковали лишь на суше. Среди моряков вошло в обыкновение выражаться так: «Если вам нужно сделать ампутацию ноги, пошлите за плотником; он, по крайней мере, умеет владеть пилой, а доктор и того не знает».

Глава IX

Если мы не знаем, как защитить наши двери от нападения собаки, позволим ей войти в комнату; и не будем больше считать себя нацией храброй и просвещенной.

«Генрих V»

Сражение между «Кризисом» и «Дамой Нанта» произошло на 42°37'12" северной широты и 34°16'43" западной долготы, считая от Гринвича.

Северо-восточный ветер принудил нас остановиться в Бискайской бухте, так как мы направлялись в Лондон. Время было туманное.

Однажды я был разбужен сильным толчком. Мрамор, стоящий на вахте, потребовал меня целым часом раньше.

– Вставайте скорей, господин Веллингфорд, вы мне нужны на палубе.

В одну минуту я очутился в присутствии главного лейтенанта, протирая глаза, как будто бы они от этого могли лучше открыться.

– Посмотрите-ка, Милс, по направлению этой точки. Ведь это наш друг, француз, всего в полмиле от нас.

– Почему вы так думаете, господин Мрамор? – в изумлении спросил я.

– Потому что я его сейчас видел своими собственными глазами. Этот туман рассеивается, подобно занавеси театра, и мне достаточно было одного момента, чтобы узнать врага.

– Что же вы теперь думаете делать, господин Мрамор? Мы уж теперь убедились, что француз не из трусливых: в ясную погоду мы не могли одолеть его, а теперь туман.

– Положитесь на старого командира, – он не может забыть недавних повреждений своего судна, а потому я полагаю, что, для очистки совести, он настоит на вторичном сражении. Да, Милс, на борту этого судна будет чем поживиться тому, кто завладеет им.

Затем он приказал мне спуститься вниз и тихонько позвать всех наверх.

Мрамор предложил выпалить во французское судно и, воспользовавшись туманом, взять его на абордаж. Если мы незаметно приблизимся к нему и застигнем его врасплох, наш успех несомненен.

– Во всяком случае не мешает приготовиться, господин Мрамор, – сказал капитан, – тогда будет видно, что делать.

Не успел он произнести этих слов, как у нас закипела работа. В каких-нибудь десять минут все пушки были выставлены в батарею и заряжены картечью. Мы в лихорадочном нетерпении ждали первого сигнала. Нам казалось, что перед нами множество кораблей, но все они один за другим исчезали из глаз, заволакиваемые густым туманом. Было строго запрещено разговаривать, но тот, кто увидит неприятеля, должен немедленно пойти на корму и донести о том. Более двенадцати человек совершили эту прогулку, но напрасно, ибо все ошибались. Между тем мы продолжали наступать медленным ходом. Прошло двадцать минут томительного ожидания – судно не показывалось. Мрамор не терял хладнокровия и уверенности в себе, но капитан и его помощник посмеивались; а матросы покачивали головами, пожевывая табак. Наконец, думая, что Мрамор ошибся, решили бросить преследование и плыть в прежнем направлении. Капитан уже собирался дать приказ убрать пушки, как вдруг я заметил судно не более как в трехстах шагах от нас. Я молча вытянул руку по направлению кормы, и мои глаза тотчас же встретились со взглядом капитана; в один миг он уже очутился на баке.

Теперь легко было разглядеть неприятельское судно: сквозь туман оно казалось волшебным видением, подвигаясь медленно вперед и раскачиваясь из стороны в сторону. Сомнений больше не оставалось – мы решили действовать. Стексели поставили по ветру. Тем временем

второй лейтенант, знающий французский язык, стал на бак, чтобы быть наготове отвечать, когда с нами заговорят в рупор.

Французы заметили нас в первый раз лишь тогда, когда мы были от них всего в ста шагах. Нас увидел, кажется, вахтенный офицер. Вместо того чтобы тотчас же созвать всех наверх, он взялся сначала за рупор. Мистер Форбанк, наш лейтенант, говорил не ясно, глотая половину слов. Однако он совсем понятно выговорил: «Случай Бордо». Этого было достаточно, чтобы ошеломить француза на несколько секунд. Мы же, не теряя времени, подвигались с такой быстротой, что не дали неприятелю времени на размышления. Однако голос офицера услышали внизу; французы поспешно и в беспорядке поднялись наверх, рассеявшись по корме и носу. Мы выстрелили из пяти пушек разом. Минуту спустя раздался треск судов, которые столкнулись.

Мрамор закричал: «Вперед, ребята!» – и вслед за тем он, Неб, я и весь экипаж налетели на французское судно, подобно урагану. Я ждал, что вот начнется бой не на жизнь, а на смерть, но мы нашли палубу пустой и завладели судном без всякого сопротивления со стороны французов. Капитан их был разорван надвое нашей картечью, и два офицера серьезно ранены. Вследствие этого они разом сдались нам. Из наших людей никто не получил даже царапины.

Я уже говорил, что взятое нами судно имело каперские свидетельства и направлялось из Гваделупы в Нант.

Убедившись в одержанной победе, мы отделились от «Дамы Нанта». Абордаж причинил ей мало вреда, она легко могла добраться до пристани.

После долгих совещаний решено было отправить «Даму Нанта» в Нью-Йорк под командой нашего раненого лейтенанта, который на родине мог приняться за серьезное лечение. Капитан и другой лейтенант предложили ему свое содействие для переправы через океан на «Леди».

Наступила ночь, все приготовления были окончены. «Дама Нанта», повернув на другой галс, направилась к Соединенным Штатам. Наш капитан воспользовался этим случаем, чтобы послать официальный рапорт, а я написал Грации коротенькое письмо, в котором в то же время обращался ко всем нашим. Я знал, как ее обрадуют несколько строк от меня, а также мне доставляло большое удовольствие возвестить о том, что я был назначен старшим лейтенантом.

Проводы «Дамы Нанта» среди открытого моря ночью имели торжественный и в то же время грустный характер. Благополучно ли доберется это судно до места своего назначения? Все шансы были на его стороне: французские крейсеры редко попадались у берегов Америки.

За мое участие во взятии судна я получил в награду тысячу сто семьдесят три доллара; я после скажу, на что употребил эти деньги.

На следующий день с западной стороны показался парус. Чтобы хорошенько рассмотреть его, мы взяли на гитовы грот. По всем признакам это было американское судно. Несмотря на то что мы подняли свой флаг, бриг не обнаруживал ни малейшего желания вступать с нами в разговор.

Капитан Вильямс решил отправиться за ним вдогонку, тем более что нам не нужно было сворачивать с пути. К четверем часам пополудни мы значительно приблизились к нему и дали залп. Тогда бриг приостановился и допустил взять себя на абордаж. Это было судно, захваченное «Дамой Нанта». Мы тотчас же завладели им, так как оно было нагружено мукой и направлялось в Лондон; его поручили мне, дав в помощники молодого человека, Роджера Талькотта, и шесть человек из нашего экипажа.

Само собой разумеется, все французы, за исключением повара, перешли на «Кризис».

Неб упросил капитана отпустить его со мной, хотя Мрамору трудно было обойтись без его услуг.

Это была моя первая команда, которой я очень гордился, хотя в душе боялся сделать какую-нибудь глупость. Я должен был направляться к берегам Англии. Так как «Кризис» шел

скорее «Аманды» – так назывался мой бриг, – то еще до заката солнца мы потеряли из виду наше старое судно.

Я взял на себя утреннюю вахту. Ответственность на мне лежала большая. Я находился в обширном океане, в местах, где нас ежеминутно мог настигнуть неприятель, и экипаж мой состоял из людей неопытных, совершающих путешествие первый раз в жизни.

Что же касается Неба, то он блаженствовал. Как бы сильно ни свистел ветер, океан, бриг и он сам, все должно было беспрекословно подчиняться мистеру Милсу. Талькотт, несмотря на свою молодость, был толковый малый, почему мне и дали его в помощники. Капитан Вильямс рассчитал, что две головы всегда лучше одной. Я предложил Талькотту поместиться в моей каюте не только ввиду того, чтобы иметь компанию, но и для того, чтобы его поставить с собой на равную доску в глазах экипажа.

Первую ночь нам не пришлось спать. День прошел довольно спокойно. К вечеру я взобрался наверх, чтобы посмотреть, не видно ли земли, но безуспешно. Вдруг послышался голос Неба с реи фор-марсея:

– Огонь перед нами!

Было около десяти часов. Я знал, что этот огонь должен был быть с маяка мыса Лезарда, по направлению его я и стал держать путь.

На следующее утро мы уже въехали в Ла-Манш, стараясь придерживаться берегов, насколько это было возможно. Мы прошли на расстоянии целой мили от Эддистона, до такой степени я боялся французских крейсеров. Через день мы уже были у острова Уайта, но тут переменился ветер, и мы должны были пойти на буинях. До Англии оставалось недалеко.

Все время кто-нибудь из экипажа смотрел вперед, стоя на часовой мачте, из страха натолкнуться на неприятеля. Всевозможные паруса попадались нам навстречу, в особенности около Дувра. Но море стало постепенно суживаться. Я употреблял все усилия, чтобы проходить незамеченным, избежать abordage. Понемногу я приобретал в себе уверенность. Мне казалось, что я команду «Амандой» не хуже самого Мрамора; и если бы пришла необходимость перевернуть на другой галс и направиться в Нью-Йорк, то и тут я бы не потерялся.

Огни, видневшиеся с берегов Англии, продолжали руководить нами. Мы приближались к Дунгенессу. Около трех часов утра Талькотт, стоявший на вахте, прибежал ко мне, весь запыхавшись, сказать, что какое-то судно, по-видимому люгер, идет прямо на нас. Я думаю, было от чего перетрусить.

Я решился лететь к земле на всех парусах, надеясь, что люгер не успеет напасть на нас. Мы живо обогнули стрелку ближайшего мыса. Люгер, бывший от нас на расстоянии одного кабельтова, на минуту скрылся с глаз. Заметив какое-то судно, стоящее здесь на якоре, мы стали около него. Я надеялся, что люгер переменит галс, но не тут-то было: минуту спустя он уже подходил к нам, точно его тянуло магнитом.

Во все это время ничто не нарушало тишины ночи. На судне, стоявшем около нас, господствовало полное спокойствие. Мы находились между этим судном и люгером на расстоянии одного кабельтова друг от друга. Я закричал в рупор:

– Эй, корабль!

– Какой это бриг?

– Американец, с французским люгером, трогайтесь-ка!

На мои слова раздалось восклицание:

– Этаким черт! – А потом: – Проклятые янки!

Наконец все были позваны наверх.

– Это английское судно, снаряженное в Вест-Индию, господин Веллингфорд, – сказал один из наших стариков матросов, – только оно сейчас без конвоя.

– Что это за люгер? – спросил оттуда офицер резким тоном.

– Мне ничего не известно. Он преследует меня двадцать минут.

В это время люгер незаметно проскользнул между нами. Английское судно показалось ему более привлекательным, а потому он и пошел прямо к нему на abordаж. Выстрелов не было ни с той, ни с другой стороны. До нас доносились крики раненых, брань, проклятия, команда.

Хотя застигнутый врасплох Джон Буль храбро защищался, но нам видно было, что он начинал проигрывать сражение. Туман, надвигавшийся с берега, заслонил от нас оба судна.

На рассвете мы опять увидели их вдали, направляющимися к Франции. В 1799 году такое дерзкое предприятие могло удалиться; французы не раз приводили добычу в свои гавани; но три-четыре года спустя это было бы немыслимо. «Аманда» осталась цела. Кажется, Нельсон, после своего великого подвига, не был так счастлив, как я в эту минуту. Талькотт поздравил меня от всего сердца.

Все мы были убеждены, что счастливый исход дела являлся следствием нашего искусства и умения держать себя: никто и не думал, что это была простая случайность.

Поравнявшись с Дувром, мы взяли лоцмана, который сообщил мне, что плененное судно называлось «Доротеей», что оно только что возвратилось из Вест-Индии. Оно бросило якорь около Дунгенесса, думая провести спокойную ночь в этом уединенном местечке. И люгер никогда не напал бы на «Доротею», если бы мы случайно не натолкнули его на добычу.

Но, к счастью, мне уже больше нечего было бояться люгера. В тот же день мы вошли в гавань и бросили якорь. В первый раз мне пришлось видеть целый флот на стоянке. Наша история наделала много шума на борту военных судов. К нам подъехало, по крайней мере, двадцать лодок расспросить, как было дело. Между прочим, мне стал задавать вопросы один пожилой господин в городском костюме; я полагаю, что это был адмирал; но все лодочники на все расспросы никому ничего не отвечали, хотя высказывали необыкновенное почтение этому господину. Он пожелал узнать от меня все подробности дела; я откровенно рассказал ему всю правду. Он слушал меня с большим вниманием. Уходя, он дружески пожал мне руку, сказав:

– Молодой человек, вы хорошо сделали, поступив так осторожно; пусть ворчат наши старые моряки – они думают лишь о себе. Ваша прямая обязанность была – спасти свое судно; и раз вы это могли сделать, не запятнав своей чести, ваше поведение заслуживает похвалы. Но для нас срам, что эти проклятые французы греют себе руки на наших же глазах.

Глава X

Как сладок и печален в одно и то же время ход человеческой жизни, когда детство и юность бок о бок начинают спускаться в долину лет! Невинность сопровождает их некоторое время, шаг их легок, хотя в чертах уже имеется некоторая серьезность; они слишком молоды для страдания, но не для слез.

Альстон

С каким интересом и уважением относились к Англии образованные американцы в 1799 году. Они изучали ее историю, законы и устройство. Только небольшое число ярых политиков были врагами Англии. Мы же с Талькоттом не составляли исключения из общего правила и смотрели на нашу «мать отечества» сквозь радужные стекла.

По мере того как мы приближались к Лондону, все, что нам показывал издали лодчанин, восхищало нас.

Темза не представляет собой ничего особенного, но трудно вообразить себе то множество всевозможных судов, которыми она была заполнена. Наш лодчанин очень ловко провез нас среди этого лабиринта, его можно было сравнить с кучером, который прочищает путь своему экипажу среди сплошной массы народа.

Капитан Вильямс поручил мне возвратить бриг его первоначальному собственнику, сохранив за собой право на вознаграждение. Это был американский негодяй, поселившийся в новом Вавилоне. Он приказал отправиться за судном, а с меня сложил всякую дальнейшую ответственность.

Так как в своем письме капитан по ошибке написал про меня: мистер Веллингфорд, мой «младший офицер», негодяй не считал нужным пригласить меня к обеду, а между тем в газетах уже было напечатано о происшествии у Дунгенесса под рубрикой: «Проделка янки». Эта фраза много вредила американцам во мнении иностранцев.

Во время моего пребывания в Лондоне я воочию убедился, что в стране наших предков, кроме епископов и добродетелей, можно встретить и нечто другое. В Гревизенде мы взяли к себе на службу двух офицеров из таможни. В Англии существует финансовая система назначать на места двух мошенников, чтобы один мог контролировать действия другого. А потому один из моих новых сослуживцев, видя во мне мальчика восемнадцати лет, которому уже было поручено захваченное судно, вообразил, что со мной ему будет очень удобно проделывать всякого рода делишки. Звали его Свиной. Узнав, что я сгорал от нетерпения осмотреть Лондон, он вызвался быть моим проводником, предложив для начала показать мне собор Святого Павла, а затем достопримечательности Вест-Инда. Мы с ним пространствовали целую неделю.

Удостоверившись, что я имел возможность расплачиваться, он предался своей природной склонности к грязным вещам, пригласил меня посетить Уэппинг, центр разврата. Но я слишком много читал и наслушался об этом ужасном месте, а потому и был все время настороже, оставаясь простым зрителем всего, что происходило перед моими глазами. Наставления доброго мистера Гардинга тоже не забывались мной ни на минуту.

Те безобразия, которые мне пришлось видеть в доме Черной Лошади, находящемся на улице Святой Екатерины, произвели на меня самое отталкивающее впечатление.

Не стану распространяться о том, какого рода женщины посещали этот дом; большинство из них были молоды, некоторые еще не утратили красоты, но все они были презреннейшими созданиями.

— Что же касается мужчин, которых вы видите здесь, — сказал мне Свиной, сидя за кружкой пива, — более половины из них бандиты или негодяи, приходящие сюда вечером повеселиться среди прекрасных господ вроде вас, моряков. А вот эти две физиономии я видел в Ольд-

Белсе; и как это им удалось избежать ссылки? Но вы видите, что они прекрасно чувствуют себя, точно они у себя дома, и хозяин оказывает им прием как вполне честным людям.

– Не понимаю, – сказал я ему на ухо, – как это осмеливаются принимать открыто известных мошенников?

– Однако же какое вы дитя! Разве вы не знаете, что закон покровительствует плутам наравне с честными людьми? Да у этих мазуриков всегда есть про запас alibi. Alibi – это...

– Прекрасно знаю, господин Свиной, это юридическая увертка.

– Как! Черт побери! Такой юнец, как вы, только что приехавший из девственной еще страны – Соединенных Штатов, – и уже знакомы с такими вещами!

– Да, – сказал я, смеясь. – Америка-то и есть страна alibi, там все – везде и в то же время – нигде. Народ пребывает в постоянном движении, а это своего рода вечное alibi.

Чтобы закончить день, Свиной повел меня на бал, который, по его словам, охотно посещался американскими офицерами. Это был зал собрания Уэппинга.

Войдя туда, я увидел человек пятьдесят поваров и метрдотелей, черных как уголь, под руку с молодыми англичанками. Хотя у меня нет особенных предубеждений к черной расе, но, признаюсь, это зрелище вызвало во мне чувство отвращения. В Англии же смотрели проще на вещи, там казалось вполне естественным, что англичанки выходят замуж за людей всевозможных цветов кожи.

После этого бала, который Свиной показал мне, как верх прелести, он наконец проговорился о главном мотиве всех своих любезностей. Опорожнив вторую кружку пива, разбавленную можжевельной, он предложил мне свои услуги, чтобы провести беспошлинно все, что находилось на борту «Аманды»; раз мне было поручено судно, то, по его мнению, я имел возможность присвоить себе все содержимое «Аманды». Я с негодованием отвергнул это предложение, дав Свиною почувствовать, что считал его слова для себя оскорблением и что с этого момента наши отношения с ним не могли более продолжаться. Он, по-видимому, сконфузился. По его понятиям, всякий товар был годен лишь для того, чтобы воспользоваться им; а потом грабеж – «проделки янки» – вещь самая обыкновенная.

К счастью, вскоре я увидел наш «Кризис», который, подобно «Аманде», прочищал себе дорогу среди лабиринта парусов. Не успел он еще пристать, как Талькотт, Неб и я были на борту. Капитан Вильямс уже прочел в газетах про «проделку янки» и догадался, как именно произошло дело. Он встретил нас очень радушно. Мы все были счастливы видеть друг друга.

Я был единственный из офицеров, который успел осмотреть Лондон; это мне придавало некоторое значение в глазах экипажа.

Мрамор, который, в свою очередь, жаждал ознакомиться со столицей Англии, уговорил меня быть его проводником и показать ему все, что видел сам. Две недели мы употребили на то, чтобы выгрузить наше судно и взять балласт. Затем нужно было пополнить наш экипаж. Конечно, мы предпочли взять американцев. Наш выбор оказался очень удачным: несколько прекрасных матросов с английского крейсера, попавших туда с американского судна, с радостью согласились поступить на «Кризис».

История «Дамы Нанта», слегка приукрашенная, появилась во всех газетах и наделала много шума.

Ничто не могло привести англичан в лучшее настроение, как известие о вреде, нанесенном французам. Со времени 1775 года американцы пользовались в Англии особенно хорошей репутацией: каким-то чудом обе нации действовали заодно против общего врага. Кажется, отчего бы английскому и американскому флотам не соединиться навсегда вместе? Да, никому не известно, что нам готовит будущее, никто не может предсказать, какие народы останутся нам дружественными и какие сделаются нашими врагами.

Я с большим удовольствием принялся показывать Мрамору достопримечательности Лондона. Мы начали с хищных зверей и Башни, но наш лейтенант остался к ним равнодушен.

Церковь Святого Павла понравилась ему, хотя он чистосердечно признался, что находит Кеннебункскую церковь куда лучше и что, пожалуй, «Троицу» из Нью-Йорка можно было бы поместить рядом с церковью Святого Павла.

– То есть как рядом? – повторил я, смеясь. – Вы, должно быть, хотите сказать, что она легко вместе со своей колокольной поместилась бы внутри, да и тогда еще осталось бы больше места, чем во всех наших церквях вместе взятых?

Долго Мрамор не мог мне простить этой шутки, сказав, что мое замечание «не патриотично», слово, которое в 1799 году употреблялось не так часто, как в настоящее время.

Выйдя из церкви, мы благополучно прошли через Флит-стрит, Темпл-Бар и Странд; наконец мы очутились в Гайд-парке, месте, куда стекались представители моды и высшей аристократии. Здесь мы выбрали себе скромный уголок для наблюдений.

Этот парк представлял дивное зрелище при хорошей погоде и массе блестящих экипажей, снующих во все стороны. Не будучи в состоянии раскритиковать разом все виденное, Мрамор излил свою желчь на лакеев.

– Это возмутительно, – говорил он, – заставлять наемного человека носить трехцветную шляпу; такое отличие должно быть предоставлено исключительно представителям церкви, государства или военным офицерам.

Пока мы с Мрамором обсуждали этот вопрос, произошло маленькое приключение, имевшее важные последствия.

Обыкновенные экипажи для публики в английские парки не допускаются, за исключением наемных карет. Одна из таких карет и очутилась в затруднительном положении как раз в то время, когда мы проходили мимо нее. Лошади испугались тачки, стоящей на дороге, и начали пятиться. Кучер не сумел справиться с ними, и задние колеса попали в воду канала; не случись тут Мрамора и меня, карета и сидящие в ней непременно бы утонули. Схватив тачку, я бросил ее под передние колеса, Мрамор же удержал заднее колесо своей железной рукой; таким образом катастрофа была предупреждена. Лакея не было. Я бросился к дверце и помог выйти пожилому господину с дамой и молодой особой. Все трое сошли благополучно, даже не замочив себе ног. Но Мрамор не так-то легко отделался; бедный стоял по плечо в воде и делал нечеловеческие усилия, чтобы поддержать равновесие экипажа, но в ту минуту, как все вышли, он выпустил из рук колесо, тачка поддалась напору, и карета и лошади в беспорядке попадали в воду. Одну из лошадей удалось спасти, другая же утонула. Вокруг нас собралась толпа. Но участь экипажа мало беспокоила меня. Я был рад, что мы спасли его пассажиров.

Пожилый господин от всего сердца благодарил нас, прося не оставлять его, что ему еще понадобятся мои услуги, на что я без труда согласился. Пока мы направлялись к выходу из парка, я мог внимательно рассмотреть моих спутников. Все они, по-видимому, принадлежали к порядочному обществу, так называемому в Англии среднему классу.

Господин должен был быть военным, барышня, одних лет со мной, казалась очень красивой. Да ведь это настоящее приключение. Я, точно герой романа, являюсь спасителем восемнадцатилетней девицы. Теперь мне остается только влюбиться в нее!

У ворот парка пожилой господин нанял карету; усадив в нее своих дам, он пригласил меня сопровождать их. Но мы с Мрамором промокли до костей. Тогда незнакомец дал нам свой адрес на Норфолк-стрит, и мы обещали зайти к нему, что мы и сделали, предварительно пообедав и высушив свои костюмы.

– Милостивые государи, – сказал нам майор, оказав нам самый радушный прием, – ваше поведение достойно английских моряков, всегда готовых оказать вежливость и услугу. – Затем, вынув из портфеля несколько банковых билетов, он нам сказал: – Я бы с радостью предложил вам больше этого, что я, быть может, и сделаю со временем, чтобы доказать вам всю мою благодарность.

При этих словах майор протянул Мрамору два билета по десяти фунтов стерлингов.

Судя по сложившемуся мнению во всем христианском мире, Соединенные Штаты считались самой корыстной страной; там литература, искусство, слово занимали второстепенное место, доллар же царил на первом плане – он был главным двигателем во всем.

Однако странная вещь: мне достоверно известно, что двадцать человек европейцев несравненно легче купить за двадцать фунтов стерлингов, чем соблазнить этими деньгами двух американцев. Не берусь объяснять подобное явление, но факт налицо.

Мрамор выслушал майора с подобающим почтением, теребя свою табакерку, которую он раскрыл в ту минуту, как майор кончил говорить. Затем с полнейшим равнодушием, взяв щепотку табаку, Мрамор захлопнул табакерку и только тогда ответил.

– Это очень великодушно с вашей стороны, майор, – сказал он, – но спрячьте-ка ваши деньги обратно; мы будем вам столь же благодарны за них, как будто мы их прикарманили. Затем позвольте вам доложить во избежание недоразумений, что мы оба уроженцы Соединенных Штатов.

– Соединенных Штатов! – повторил майор, выпрямляясь во весь рост. – В таком случае я убежден, что вы, молодой человек, не откажетесь принять от меня это доказательство моей признательности.

– Ни в коем случае, милостивый государь, – вежливо ответил я. – Мы совсем не то, что вы предполагаете. Наружность бывает обманчива. Мы оба – морские офицеры с судна, имеющего каперское свидетельство.

При этих словах майор извинился перед нами, теперь только поняв, что мы никогда не согласимся принять вознаграждение за услугу. Он пригласил нас присесть, и разговор продолжался.

– Мистер Милс, – начал Мрамор, – владелец имения, называемого Клаубонни; он мог бы жить у себя в полном довольстве. Но когда петух поет, и цыпленок тянется за ним. Его отец был моряк, так вот и сын пошел по его следам.

Это известие о моем положении нисколько не повредило мне, напротив: в обращении со мной всего семейства Мертон тотчас же произошла приятная перемена. Меня просили навещать их до моего отъезда из Англии, чем я воспользовался более двенадцати раз.

Одевшись заново с головы до ног, я неоднократно сопровождал их в театр. Эмилия впервые улыбнулась мне, увидев меня в новом костюме. Эта девушка была прелестным созданием: скромная и застенчивая с виду, она была полна жизни, судя по выражению ее больших голубых глаз; кроме того, она получила хорошее воспитание и, при моем незнании жизни, казалась мне самой образованной из всех барышень ее лет. Я считал Эмилию Мертон чудом из чудес; сидя около нее и слушая ее, я краснел за свое невежество.

Глава XI

Внимание, боцман, или мы сядем на мель, внимание, говорю тебе!
«Буря»

Капитан Вильямс, желая выразить мне чем-либо одобрение за мои заботы о брига, позволил мне проводить времени на суше сколько угодно. Мне могло более не представиться возможности еще побывать в Лондоне и быть в такой милой компании.

Из предосторожности капитан послал одного из своих чиновников в консульство справиться, что за люди были Мертоны.

Оказалось, что они занимали прекрасное положение и пользовались всеобщим уважением. У них имелись родственники в Соединенных Штатах, так как отец Мертона женился в Бостоне.

Я же был в восторге от этого знакомства и благословлял судьбу, натолкнувшую меня на них. Благодаря Мертонам, я узнал свет. Меня у них всегда ожидал самый радушный прием. Сам Мертон, джентльмен в полном значении этого слова, ни на минуту не забывал, что он обязан мне спасением жизни. Эмилия с удовольствием разговаривала со мной; и как я бывал счастлив, слушая милые мысли, произнесенные хорошеньким ротиком.

Я заметил, что она смотрела на меня, как на провинциала. Но я недаром совершил путешествие в Кантон, чтобы стесняться перед ребенком.

В общем, я думаю, что произвел прекрасное впечатление на все семейство. Быть может, Клаубонни тут играло немалую роль. Но, во всяком случае, во время моего последнего визита Эмилия казалась грустной, а мать ее уверяла меня, что все они искренне жалеют меня. Майор взял с меня обещание навестить их на Ямайке или в Бомбее, куда он собирался с женой и дочерью через несколько месяцев в надежде упрочить там окончательно свое положение.

Неделю спустя «Кризис», покинув дюны, выехал в открытое море, сопровождаемый благоприятным ветром.

Мы остановились у Мадеры, где высадили одно английское семейство, отправляющееся туда для поправления здоровья. Затем мы запаслись фруктами, овощами и свежим мясом.

Следующая наша остановка была в Рио; я ошибся в расчете, думая, что меня здесь ждет письмо от наших.

Затем мы направили наш путь к острову Штатов, намереваясь пройти пролив Ле-Мер и обойти мыс Горн.

Мы подъезжали к Фолклендским островам рано утром. Ветер дул с востока, время было туманное; при таких условиях проход через узкий пролив являлся рискованным. Мы с Мрамором держались того мнения, что лучше всего было бы обогнуть остров с восточной стороны, но никто из нас не решился предложить свой проект: я – по молодости, а Мрамор – вследствие упрямства «старика», как он называл капитана.

– Он любит, – сказал Мрамор, – идти очертя голову, и никогда не бывает так счастлив, как в океане среди незнакомых островов.

К полудню ветер, перейдя к югу, подул сильнее и к полночи превратился в вихрь. Это предвещало начало бури, которую мне приходилось видеть на море в первый раз.

По обыкновению уменьшили количество парусов, оставив только грот-марсель, кливер и фок.

Наше положение было не из веселых. В этих местах течения действуют с такой силой, что мы стали теряться в догадках, делая всевозможные предположения, конечно далекие от истины. Но капитан был убежден, что мы совсем близко от Огненной Земли. Мы же все потеряли надежду пройти через пролив.

Вдруг раздалась команда Мрамора:

– Руль и брасы по ветру! Кливер взять на гитовы!

В одну минуту весь экипаж был на палубе.

Судно уклонилось от прежнего направления и под попутным ветром полетело с неимоверной быстротой, получая сильные толчки, вследствие которых дрожали болты и блоки. Однако все удалось; «Кризис» наверняка стал удаляться от Огненной Земли, но куда он несся теперь? На этот вопрос никто не мог ответить. Я был уверен, что мы обошли Фолклендские острова, но и от них нас отделяло большое пространство.

Как только судно пошло своим обыкновенным ходом, капитан Вильямс обратился к Мрамору за разъяснением подобной команды.

Мрамор уверял, что ему показалась земля перед самым судном, а так как время терять нельзя, то он и велел поворотить на другой галс, чтобы не наткнуться на берег.

Мне показалось странным такое объяснение. Капитан же поверил ему или, по крайней мере, сделал вид, что верит.

Потом Мрамор сказал мне правду:

– Будет с меня Мадагаскара, с какой стати я стал бы лезть на верную гибель, поддавшись чертовым течениям, которые натолкнули бы нас на этот скалистый берег!

После захода солнца поднявшийся ветер со страшным шумом сорвал стаксель, который исчез в тумане, подобно туче, затерявшейся среди массы облаков.

Разразилась настоящая буря.

На этот раз ураган так свирепствовал, что обыкновенные порывы ветра казались сравнительно с ним легким ветерком. Волны вырастали перед нами в целые горы, которые вдребезги разбивались о наше судно.

Целую ночь мы боролись с разыгравшейся стихией.

День наступил серый, мрачный, казалось, все слилось в одну массу, насилу можно было отличить океан от судна.

Воздух был наполнен водяными парами.

Мрамор опасался, чтобы нас не отнесло обратно к скалистым берегам.

Я ничего не ответил ему, мы все четверо, капитан и его трое офицеров, с напряженным вниманием смотрели на туман, как будто за ним скрывалось наше отечество. Вдруг точно по волшебству туман рассеялся, и мне показался вдали отлогий морской берег. Наше судно быстро подвигалось к нему. Земля стала виднеться параллельно тому направлению, которого мы держались, и перед нами, и сзади нас.

«Что за странная иллюзия», – подумал я про себя, вопросительно посмотрев на своих товарищей.

– Странно, – проговорил спокойно капитан Вильямс, – ведь это земля, господа!

– Совершенно верно, как Евангелие, – с уверенностью сказал Мрамор. – Что же вы теперь прикажете делать, командир?

– Что же можно сделать, господин Мрамор! Пространство не позволяет нам переменить направление, а перед нами – море.

Действительно, видневшаяся земля казалась низкой, мрачной, пристать было невозможно.

Вся наша надежда была – найти удобное место, чтобы бросить якорь. Но что нас особенно тревожило – это сильное течение.

В таком беспокойстве мы провели всю ночь. К полдню все еще нельзя было остановиться – нас влекло вперед неестественными толчками. К счастью, погода прояснилась, и даже ветер приутих к двум часам. Мы продолжали путь, сняв почти все паруса. Но ночь представляла для нас большую опасность.

Мы предполагали, что нас занесло в один из проливов между островами Огненной Земли. До четырех часов мы проехали, по крайней мере, семнадцать островков. Наконец один из них показался нам удобным для пристанища; этот остров имел около мили в окружности, и мы медленным ходом направились к нему; течение нам помогало. Мы забросили один якорь, держа другой наготове. Затем всему экипажу разрешили пойти поужинать, исключая нас, офицеров. Мы с капитаном сели в лодку; надо было объехать вокруг судна, чтобы удостовериться, все ли обстоит благополучно. Глубина оказалась не удовлетворительной. Нам велено было не доверяться ни ветру, ни течению.

Распределив вахту, все отправились на покой.

Рано утром, приблизительно минут за десять до начала моей вахты, капитан позвал нас на палубу: судно тронулось, гонимое ветром. Мы тотчас же взялись за якорный канат. Несчастье произошло вследствие подводных камней: канат оказался протертым на две трети своей толщины. Как только нас опять толкнуло вперед течением, канат порвался. Якорь так и остался на месте; возвращаться за ним назад было невыносимо. Капитан благословлял судьбу, что нам удалось миновать опасность. Мы, ради безопасности, продолжали придерживаться юга, стараясь идти по ветру.

Ночью луна светила не переставая, и утро обещало нам ясный день. В самом деле, солнечные лучи стали понемногу пробиваться сквозь тучи; теперь мы хорошо видели землю, окружавшую нас со всех сторон. Пролив, из которого выходил «Кризис», был шириной в несколько миль и был ограничен с севера высокими крутыми горами, покрытыми снегом. Перед нами не видно было никаких препятствий, мы с легким сердцем продолжали путь. Вскоре капитан объявил нам, что мы входим в океан с запада залива Лемера и были совсем близко от мыса. Мы распустили почти все паруса, так как капитан придерживался правила «ковать железо, пока оно горячо». В течение нескольких часов мы делали до пятнадцати узлов, и все вдоль берега.

Еще не успело стемнеть, как мы опять увидели перед собой землю. Мрамор предполагал, что это конец глубокой бухты, по которой мы шли. Капитан же думал, что это мыс Горн. К несчастью, день был пасмурный, неудобный для наблюдений. Попав в узкий канал, мы несколько часов держались юго-запада.

Но вдруг нас понесло к северу по узкому рукаву канала, делающего изгиб. В результате получилось то, что мы опять удалились от океана и теперь наверное шли не по направлению мыса Горн. Вновь стали попадаться островки со скалистыми берегами и бесконечные бухты.

Пробовали мы бросить якорь, но неудачно. Да и рискованно было жертвовать вторым канатом. В надежде найти проход с южной стороны, который вывел бы нас в открытое море, мы не хотели возвращаться назад. Наконец, после целой ночи, проведенной в непрерывном страхе натолкнуться на подводный камень среди массы островков, отделяющихся друг от друга узкими каналами, мы увидели с западной стороны проход, ведущий в океан, и наше судно торжественно вступило в открытое море.

Необходимо было определить, где именно мы находились. Мрамор, выслушав все наши предположения по сделанным наблюдениям, покачал головой и пошел сам посмотреть на карту.

– Это, господа, Тихий океан, клянусь святым Кеннебунком! – Это была его излюбленная клятва в минуту сильного волнения. Мы прошли через Магелланов пролив, сами того не подозревая.

Глава XII

*Звучите, трубы! Подымайте якорь; распускайте паруса!
Нетерпеливые знамена развеваются уже над морем. Кажется, само
небо послало нам этот благоприятный ветер, наш легкий челн точно
почерпнул жизнь в его божественном дыхании, – так быстро он бежит.
Пинкней*

«Кризис», благодаря слепой случайности, совершил великий подвиг; случись это не в 1800 году, а в 1519-м, пролив, из которого мы только что вышли, получил бы название «пролива Кризиса».

Как сейчас помню то приятное ощущение, овладевшее мной, когда «Кризис» вошел в открытый океан. Громадные волны его мощно ударялись о берег, освещенный заходящим солнцем. Сердца всех нас были переполнены радостью. Ни одна команда не звучала еще так весело в моих ушах, как настоящее приказание капитана поднять все паруса, что было тотчас же исполнено, и мы торжественно поплыли по середине моря, счастливые тем, что благополучно миновали Огненную Землю и ее бурные воды.

Я не стану входить в подробности торговых операций, производимых «Кризисом» в течение пяти месяцев после его выхода из Магелланова пролива. Ограничусь тем, что скажу, что мы останавливались в различных местах, выгружали товары и нагружались новыми.

Несколько раз таможенные крейсера пускались за нами в погоню, но мы отделялись от них благополучно.

Отчалив от испанских территорий, мы направились к северу в расчете произвести обмен стеклянных изделий, ножей, печей и прочей домашней утвари на меха. Мы употребили еще несколько месяцев на торговлю, всегда извлекая для себя немалую выгоду.

Приблизительно на пятьдесят третьем градусе северной широты мы забросили якорь в одной из бухт материка. К нам подъехал местный лоцман, предложивший подвезти нас к такому месту, где мы могли найти громадное количество мехов выдры. И он не обманул нас, хотя имел самую подозрительную наружность. Первым делом он указал нам очень удобную бухточку достаточной глубины, где мы и остановились.

В эту эпоху мореплаватели, пристающие к северо-западному берегу, должны были всегда остерегаться нападений со стороны туземцев. А потому, невзирая на то что место для стоянки было удобное, нам все же следовало быть готовыми к борьбе с дикарями. Но так как предполагалось пробыть здесь недолго, только запастись мехами, то мы не особенно беспокоились.

Я никогда не мог запомнить варварских имен дикарей. Конечно, и у нашего лоцмана было свое имя, но христианский язык не поддавался на произношение его; а потому мы ему дали свое прозвище – «Водолаз», по той причине, что он сразу нырнул в море, как только Мрамор попробовал выстрелить в воздух, просто чтобы разрядить оружие.

Убедившись, что мы остановились в указанной бухте, Водолаз исчез; через час он уже подъезжал к нам в лодке, доверху нагруженной прекрасными мехами; его сопровождали три дикаря свирепой наружности. Тотчас же мы им дали прозвища ради шутки: «Спичка», «Оловянный Горшок» и «Широкий Нос». Трудно определить, к какой расе принадлежали эти субъекты. Капитан сам не мог сообщить мне ничего определенного по этому поводу; все, что ему было известно относительно них, это что они очень ценили одеяла, бусы, порох, печки и старые кольца и охотно обменивали меха на эти вещи.

Мрамор на мой вопрос резко ответил мне, что, не будучи натуралистом, он ничего не знал об этих тварях, а также и о диких зверях.

Однако подобное приравнивание этих людей к животным отнюдь не помешало нам вести с ними торговлю, которая, подобно нищете, не различает людей.

Мне часто приходилось видеть наших индейцев, имеющих сношение с белыми людьми и знакомых с употреблением рома, но дикарей, стоящих на такой низкой ступени развития, я встречал первый раз в жизни. Их можно было принять за готтентотов, поселившихся в Америке.

Водолаз и его спутники продали нам в тот же день сто тридцать шкур. Обе стороны остались довольны сделкой. Дикари дали нам понять, что, продолжив здесь наше пребывание, мы могли рассчитывать получить еще шесть раз такое же количество шкур. Капитан был в восторге и решил пробыть в этих краях еще день-другой. Лишь только это решение объявлено было дикарям, они выразили большую радость. Оловянный Горшок и Широкий Нос отправились на берег сообщить своим братьям приятное известие, а Водолаз и Спичка остались с нами.

Мы с Мрамором заметили, что лодка вошла в заливчик, образуемый бухтой. Так как нам нечего было делать на судне, мы попросили у капитана разрешения пойти осмотреть эту местность и в то же время ознакомиться с берегом. Сойдя в лодку с четырьмя людьми, хорошо вооруженными, мы отправились. Спичка, стоявший на палубе, внимательно следил за нашими движениями, и, как только мы разместились в лодке, он одним прыжком очутился около нас и уселся на корме с таким спокойствием и достоинством, как будто он был капитаном.

– Как вы думаете, Милс, – спросил меня Мрамор, – брать нам с собой этого костлявого орангутанга или столкнуть его в воду? Авось побелеет после холодной ванны?

– Оставьте его, прошу вас, господин Мрамор! Я уверен, что он хочет быть нам полезен, только не умеет высказать этого.

– Полезен?! Да он весь-то выеденного яйца не стоит!

Мрамору показалось очень забавным его собственное сравнение. Он повеселел и позволил дикарю остаться с нами.

Спичка имел вид настоящего идиота. При обмене товаров он не проронил ни звука, предоставляя переговоры Водолазу; все время лицо его оставалось неподвижным. А между тем этот человек обладал душой, искрой того неугасимого пламени, которое отличает людей от животной твари!

Бассейн, в котором остановился «Кризис», был окружен лесом со всех сторон. Но нигде не виднелось признаков человеческого жилья. Мрамор заметил, что очень возможно, что дикари нарочно заманили нас сюда под предлогом торговли, чтобы напасть на нас.

– Нет, не может быть, – сказал один из офицеров, – тут даже нет ни одного вигвама. Это просто фактория и, к счастью для нас, без таможенных чиновников.

– Но зато здесь, наверное, промышляют контрабандисты, если назвать контрабандой похищение чужой собственности.

Мы продвигались медленно. Берега бухты, поросшие густым кустарником и массой деревьев, не позволяли рассмотреть землю. Мрамор предложил пристать в разных местах, чтобы лучше ознакомиться с местностью. Он сам с одним из матросов высадился на одном берегу, а я и Неб – на другом. Мы все были вооружены. Остальным приказали следовать за нами в лодке.

– Оставьте там Спичку, Милс! – крикнул мне Мрамор.

Я сделал знак дикарю не трогаться, но не успел я взобраться на берег, как он уже очутился подле меня. Неб предложил схватить старого негодяя и стащить в лодку. Но я счел благоразумнее избегать всякого рода насилия.

Мы вошли в густой лес. С той стороны бухты, по которой я шел, мне не встретилось ни одного человеческого следа. Мрамор тоже ни на что не набрел. Наконец нас позвали из лодки, которая не могла более двигаться из-за мелководья. Спичка опять прыгнул на свое старое место.

– Я вам говорил не брать этого орангутанга. Я бы скорее согласился иметь дело с гремучей змеей, чем с подобным чудовищем.

– Это легче сказать, чем сделать: Спичка пристал ко мне, как пиявка.

– Дурак, кажется, очень доволен своей прогулкой. У него еще ни разу не было такого радостного выражения лица.

– Я думаю, – сказал я, – что он сначала вообразил, что ему не удастся поесть. Теперь же он видит, что мы возвращаемся к судну, и очень доволен, рассчитывая, что не ляжет спать с голодным желудком.

Мрамор нашел мое предположение правильным, и разговор наш принял иной оборот.

Как только мы пристали. Неб, шедший впереди, вскрикнул. Мы схватились за оружие, но тревога была напрасна. Негр просто напал на человеческие следы: он нашел массу обгорелых деревьев. Тогда мы все принялись осматривать место. Мрамору первому посчастливилось; он натолкнулся на верхушку руля, который, по всем признакам, принадлежал судну в двести пятьдесят – триста тонн. Затем мы нашли много досок и различных частей от корабля, более или менее обгорелых и ободранных от металла. Отовсюду гвозди были повытасканы. Деревянные обломки состояли из дуба, кедра и акации; это доказывало, что погибшее судно имело известную ценность.

Продолжая осматривать окрестности покинутого лагеря, мы увидели тропинку, ведущую к морю, но с противоположной стороны от того места, через которое нас провел Водолаз. С «Кризиса» невозможно было видеть этот лагерь. Мы нашли еще болты, кильсоны и прочее. Очевидно, катастрофа произошла именно здесь; но по нашим находкам мы еще не могли ничего уяснить себе. Наконец я присел на камень, торчащий из-за кустов. Так как мне было неловко сидеть, я начал устанавливать камень; он упирался обо что-то твердое; оказалось, что это была дока корабельного стола, на которой что-то было написано. В одну минуту мои спутники очутились подле меня, сгорая от нетерпения узнать, в чем дело. Грустная надпись гласила следующее:

«Американский бриг, «Морской Бобр», капитан Джон Сквайр, завлеченный обманом в эту бухту 9 июня 1777 года и застигнутый дикарями утром 11-го. Капитан, первый лейтенант и семь человек матросов убиты наповал».

«Бриг был сначала ограблен, потом доставлен сюда и сожжен дотла, дабы можно было извлечь из него железо. Шестеро из нас остались в живых, но одному Богу известно, какая нам предстоит участь. Пишу эти слова в надежде, что моим друзьям попадет на глаза этот камень и они узнают, что с нами случилось».

Мы с изумлением смотрели друг на друга. Капитан и Мрамор вспомнили, что они действительно слышали о гибели без вести в этих краях брига «Морской Бобр».

– Завлеченный обманом! – повторил капитан. – Да, теперь я начинаю понимать, как было дело. Будь у нас, господа, попутный ветер, я бы выехал отсюда в эту же ночь.

– Нам теперь нечего бояться, капитан, – ответил лейтенант, – раз мы можем принять меры предосторожности. И потом, я убежден, что в настоящее время здесь нет дикарей. А Водолаз и его друзья добросовестно ведут с нами дела. Наконец, Спичка слишком спокоен относительно наших открытий следов «Морского Бобра», значит, тогда разбойничала другая шайка дикарей.

Все эти доводы подействовали на нас успокоительно.

Мы возвратились на судно, захватив с собой исписанную доску. Решено было усилить вахту и держаться настороже.

Признаюсь, я провел неприятную ночь. Неизвестный враг всегда страшен. Я предпочел бы открытый бой тому положению, в котором мы находились: среди небольшой бухты, окруженной со всех сторон густыми, непроходимыми лесами.

Но пока все было мирно и тихо; Водолаз и Спичка, поужинав с аппетитом, заснули мертвым сном. К рассвету мы почти все поддались усталости, однако ничего не случилось. Выгля-

нуло солнце, позолотив верхушки деревьев, бухточка наша заблестела, озаренная его сиянием, и мало-помалу радость при виде такого зрелища рассеяла все наши тревоги. Мы пробудились в бодром настроении духа, почти равнодушные к судьбе, постигшей «Морского Бобра».

Глава XIII

Этот деспотический ум, эту железную волю, эту почти божественную мощь, это искусство Наполеона привлекать, очаровывать сердца миллионов людей так, чтобы они поступали как один, – ты его имеешь более, чем кто-либо.

Галлек

Спичка и Водолаз вели себя весь день как нельзя лучше.

Казалось, все их мысли сосредоточились на мясе, свинине и хлебе, свободное же от еды время они проводили в непрестанном сне. Нам в конце концов надоело следить за этими животными. Капитан Вильямс, окончательно успокоившись, решил еще подождать двое суток, пока привезут новую партию мехов. С девяти часов все принялись за работу, и к полудню судно совсем разоблачилось – все снасти были сложены.

На ночь «Кризис» предоставили охране капитана и трех лейтенантов.

Моя вахта начиналась с двенадцати часов ночи, далее следовала очередь Мрамора с двух до четырех часов, а затем все должны были быть на ногах для поднятия мачт.

Когда я взошел на палубу, я нашел лейтенанта разговаривающим с Водолазом, который, выпавшись, намеревался, по-видимому, провести всю ночь в курении.

– Давно эти индейцы на палубе? – спросил я у лейтенанта.

– Все время, как я на вахте.

Будучи вооруженным, я бы покраснел со стыда, если бы выказал трусость перед безоружными дикарями. К тому же Водолаз покурил трубочку с важным видом философа. Как он в эту минуту походил на обезьяну! А у Спички, казалось, не хватало ума даже для курения. Он слонялся по палубе с бессмысленным видом.

Я начал вахту в волнении. Спокойствие, царившее на борту, казалось мне неестественным; однако ничто не давало повода к тревоге. Правда, два дикаря могли наброситься на меня, задушить и выбросить в море, но какая для них могла быть выгода в одной моей гибели, раз они безнаказанно не могли бы отделаться от всего экипажа?

Звезды на небе светили ярко, это обстоятельство значительно умаляло опасность; ни одна лодка не могла пристать к судну, не будучи мной замечена. Эти рассуждения успокоили меня, и мои мысли приняли иной оборот.

Воображение перенесло меня в Клаубонни... Я стал припоминать все события своей жизни, мечтать о будущем, строя воздушные замки...

У Люси был такой приятный голос, бывало, целыми часами она напевала чувствительные мелодии, ласкающие слух.

Облокотясь на перила судна, я тихонько запел, стараясь припомнить один из ее любимых мотивов, и так живо она представилась мне в эту минуту. В Клаубонни она часто закрывала мне рот своими маленькими ручками, говоря: «Милс, не искажайте этой хорошенькой арии. Вы в музыканты не годитесь; с песнями забудете, пожалуй, свою латынь». Иногда она незаметно подкрадывалась ко мне. И теперь, стоя у перил, я чувствовал, будто она подошла ко мне и положила тихонько свою руку на мои губы, мешая мне продолжать пение. Ощущение было так осязательно, что я хотел взять эту ручку, чтобы поцеловать, но вдруг я почувствовал что-то твердое, оказавшееся у меня между губами и стиснувшее меня так сильно, что я не в состоянии был произнести ни звука. В ту же секунду мои руки были схвачены сзади и сжаты как в тисках. Повернувшись, насколько я смог, я почувствовал дыхание Спички, который затягивал на мне кляп, а сзади орудовал Водолаз. С необыкновенной ловкостью и проворством они сделали меня своим пленником.

Защищаться и позвать на помощь не было никакой возможности. Связав мне руки и ноги, меня бережно посадили в сторонку, на шкафуте. По всей вероятности, я был обязан жизнью Спичке, желавшему сохранить меня как невольника. С этого момента Спичка преобразился, не осталось и следа его обычного тупоумия. Он сделался главным распорядителем и душой всех действий своих сообщников. Будучи безмолвным свидетелем всего, что происходило передо мной, я почувствовал, в каком ужасном положении мы оказались. Меня мучил стыд, что все произошло во время моей вахты, по моей собственной вине.

Первым делом меня обезоружили. Затем Водолаз, взяв фонарь, зажег его и приподнял. Получив немедленно ответ на данный сигнал, он потушил фонарь и стал в ожидании расхаживать по палубе.

Через несколько минут начали вскарабкиваться на судно зловещие лица, которых я насчитал до тридцати человек. Приступ велся с такой осторожностью, что я их заметил лишь тогда, когда они очутились около меня. Все они были вооружены, только у немногих имелись ружья; большая же часть из них запаслась топорами и луками со стрелами. У каждого был нож, а у некоторых томагавки. К моему отчаянию, я увидел, как четверо дикарей бросились к лестницам, ведущим вниз, и захлопнули выходы, единственные, через которые наш экипаж мог подняться на палубу.

Я невыразимо страдал от кляпа и веревок, стягивавших все мои члены. Но я забывал о своей боли, думая о том, что произойдет.

Как только все дикари взобрались на борт, Спичка принялся командовать ими. Этот идиот выказал в своих распоряжениях удивительную ловкость и сообразительность.

Сначала он их попрятал по углам, так чтобы вошедший случайно на палубу не мог бы догадаться ни о чем. Затем воцарилась мертвая тишина. Я даже закрыл глаза от страха, пробуя молиться.

– Эй, кто там на баке? – раздался голос капитана.

Я отдал бы все на свете, чтобы предупредить его об опасности, но был не в силах сделать этого. Я только простонал, и, кажется, капитан услышал меня, так как, выйдя из своей каюты, он обратился ко мне:

– Господин Веллингфорд, да где же вы?

Без шляпы и не совсем одетый, он просто вышел посмотреть, все ли благополучно. И сейчас я не могу вспомнить без содрогания о том ударе, который обрушился на его обнаженную голову.

Бык и тот от такого удара свалился бы; конечно, капитан не выдержал. Дикари придержали его, чтобы падающее тело не наделало шума, затем бросили в воду, которая тут же поглотила его.

Так погиб капитан Вильямс, добрый и честный человек и в то же время прекрасный моряк!

Покончив с капитаном, дикари принялись за закупорку выходов; таким образом, весь экипаж был у них в плену.

Тогда они подошли ко мне, развязали все веревки, стягивающие меня, и сняли кляп, затем повели меня к задней лестнице и знаками дали понять, что я мог разговаривать с товарищами, сидящими внизу. Спичка продолжал всем руководить. Я сообразил, что получил пощаду благодаря ему; но по каким мотивам? – это для меня оставалось загадкой.

– Господин Мрамор! – закричал я громким голосом.

– Да, да. А это вы, мистер Милс?

– Да, я. Будьте осторожны, господин Мрамор. Дикари хозяйничают у нас на палубе, я их пленник. Они все здесь, стерегут выходы.

Внизу слышался свист, который объяснялся беспокойством, овладевшим командой.

Я решил говорить правду, несмотря на то что рисковал быть понятым дикарями. Я не сомневался в том, что многим из них был знаком английский язык.

– Капитана Вильямса нет с нами, – начал Мрамор. – Не знаете ли, где он?

– Увы! Он уже более не в силах оказать услуги никому из нас.

– Да что с ним? – вне себя от волнения вскричал Мрамор. – Говорите скорее.

– Ему размозжили голову дубиной и выбросили за борт.

За моими словами последовало тяжелое молчание, длившееся с минуту.

– Значит, теперь я должен решать, что предпринять. Милс, вы свободны? Можете ли вы сказать, что вы думаете?

– Меня теперь держат два дикаря. Но они дают мне разговаривать, хотя я боюсь, что некоторые из них понимают нас.

Опять настало молчание; должно быть, внизу советовались, как быть.

– Слушайте, Милс; мы друг друга знаем хорошо; будем говорить обиняками, авось дикари не поймут нас. Сколько вам лет там наверху, на палубе?

– Около тридцати, господин Мрамор. И лета все здоровые.

– Снабжены ли они серой и пилюлями, или же у них только детские игрушки, которыми забавляются наши дети?

– Первого сорта, пожалуй, наберется с полдюжины, порядочно второго сорта, но зато много острого железа.

Водолаз выказывал нетерпение, знаками заставляя меня выражаться яснее. За мной следили. Надо было удвоить осторожность.

– Я понимаю вас, – медленно проговорил Мрамор, – нам следует принять свои меры. Как вы думаете, не хотят ли они спуститься к нам?

– Ничто не предвещает этого в настоящую минуту, но понимание всеобщее, и нельзя говорить ничего, что приходится скрывать. Мой девиз таков: «Миллионы для защиты и ни одного доллара в виде дани».

Так как эта последняя фраза вошла в поговорку у американцев, будучи употреблена по случаю войны с Францией, я был уверен, что Мрамор меня понял. Мне позволили отойти от лестницы и сесть на курятнике. Несмотря на ночь, звезды так сияли, что я ясно различал загорелые лица дикарей, которые шныряли по палубе там и сям, время от времени останавливаясь перед самым моим носом, чтобы посмотреть на меня в упор.

До самого восхода солнца я оставался все в том же положении. Спичка не хотел ничего начинать до рассвета. Он ожидал подкрепления; и действительно, едва успели показаться первые лучи солнца, как с нашего судна дикари начали испускать рычания, на которые как эхо ответили из лесу, казавшегося наполненным дикарями. Затем из заливчика выехали лодки. Я насчитал теперь до ста семи человек этих разбойников; вероятно, они тут были все, так как более их уже не показывалось. Сообщаться с нашими я пока не мог и терялся в догадках относительно их образа действий.

Меня поражало обращение со мной дикарей. Мне позволили как бы для моциона погулять по баку, затем допустили вылить ведро воды на то место, где оставалась лужа крови и клочок волос несчастного капитана Вильямса. Что касается моих чувств, то после нравственных мучений мной овладело странное равнодушие к участи, предстоящей мне. Но даже в ожидании смерти я не столько думал о раскаянии в грехах своих, сколько о мщении.

По мере того как день надвигался, дикари, предводимые Спичкой и Водолазом, принялись за грабеж. Водолаз, приблизившись ко мне, громовым голосом сказал:

– Считай! – Я сосчитал. Всего было сто шесть дикарей, не считая их вождей.

– Скажи им, туда вниз, – сказал Водолаз, указывая на нижние этажи.

Я позвал Мрамора, и когда он взошел на лестницу, то между нами произошел следующий разговор.

– Что нового, мой милый Милс? – спросил он.

– Мне приказано сообщить вам, господин Мрамор, что индейцев всего сто восемь человек, меня сейчас нарочно заставили сосчитать их.

– Пусть бы лучше их была целая тысяча, мы сейчас взорвем палубу, и они все взлетят на воздух. Как вы думаете, в состоянии ли они понять мои слова?

– Водолаз понимает, когда вы говорите медленно и отчетливо, но, судя по его выражению, сейчас он понимает вас наполовину.

– Что, этот негодяй теперь слышит меня? Где он?

– На левом борту.

– Милс, – нерешительно позвал он меня.

– Ну, я вас слушаю, господин Мрамор.

– Если я выстрелю в верхушку лестницы, что тогда будет с вами?

– Обо мне-то нечего беспокоиться, все равно они убьют меня; но, вообще, от вашего выстрела нельзя ожидать хороших последствий, не пришлось бы нам раскаться. Все-таки, если хотите, я сообщу им ваше намерение взорвать их; быть может, это заставит их призадуматься.

Мрамор согласился, и я исполнил поручение как мог. Мне пришлось прибегнуть ко всевозможным знакам. В конце концов Водолаз понял меня и сообщил о наших планах Спичке; старик выслушал его с большим вниманием и полнейшим равнодушием. Страх для этих людей – неведанное чувство; влача столь жалкое существование, они привыкли пренебрегать жизнью. А между тем самоубийство у них – неслыханная вещь. Оно привилось у людей, пересыщенных удовольствиями: из десяти человек девять эпикурейцев скорее покончат с собой, чем один бедняк, доведенный до этого крайней нищетой.

Меня просто поразило выражение обезьяньего лица Спички, когда он слушал своего друга. Его взгляд выражал недоверие, ни один мускул не дрогнул от беспокойства.

Очевидно, угроза не произвела на дикарей никакого впечатления. Спичка с Водолазом, не теряя более времени, начали действовать.

Первым делом стали бросать в шлюпку большое количество веревок и горденей от лиселей. Затем посредством двух-трех канатов шлюпку потянули к берегу. Индейцы устроили так называемый моряками буксир, привязав один конец веревки к дереву, а другой прикрепив к судну. Расчет их оказался верным: шлюпка могла таким образом двигаться взад и вперед.

Затем они отправились в камбуз искать топор, которым хотели разрубить якорные канаты. Я решился известить об этом Мрамора, даже рискуя жизнью.

– Индейцы привязали к острову веревки, они хотят отрезать нас от якорей и притянуть к берегу на то место, где погиб «Морской Бобр».

– А ну их! Пусть делают, что хотят, мы будем тоже готовы! – Это было все, что мне ответили.

Между тем дикари, найдя топор на дне шлюпки, принялись рубить канаты.

– Милс, – закричал Мрамор, – эти удары отдаются мне в самое сердце. Неужели негодяи так-таки отрывают нас от якорей?

– Да, уж левый якорь оторван, они теперь рубят канат правого... Ну, вот теперь все кончено!.. Судно держится только на буксире.

– Есть ли ветер, мой мальчик?

– В бухте – ни капли, хотя поверхность воды немного колыхается.

– А течение прибывает или убывает?

– Отлив кончается, они не смогут дотащить судно до той скалы, куда завлекли «Морского Бобра» до тех пор, пока вода не поднимется по крайней мере на десять-одиннадцать футов.

– Слава тебе, Господи!

– Точно нам это не все равно, господин Мрамор! Разве у нас может быть теперь какая-нибудь надежда одолеть их, раз их так много и мы лишены свободы действия?

– Что же делать, Милс, надо попытаться спасти экипаж во что бы то ни стало! Если бы я не боялся за вас, я бы полчаса тому назад сыграл бы с ними злую шутку.

– Прошу вас, забудьте обо мне. Все произошло вследствие моей оплошности, за которую я должен ответить. Делайте все, что вам велят долг и осторожность.

Несколько минут спустя послышался шум, заставивший меня предположить, что пробовали взорвать палубу. Затем раздались крики и стоны. Выстрелы были пущены из иллюминаторов каюты и попали в две лодки, подъезжавшие к нам. Трех убили на месте, остальные были смертельно ранены. Тотчас же на меня набросились. Но вмешательство Спички спасло мне жизнь. Вне всякого сомнения, он имел на меня особенные виды.

Большая часть дикарей бросилась в лодки и наш ялик, чтобы подобрать тела умерших и раненых. На борту осталась только половина неприятелей и при этом ни одной лодки. Чтобы как-нибудь выместить свою злобу, они принялись тащить «Кризис» к земле, но вследствие сильного напряжения при большом расстоянии судна от берега кончилось тем, что веревка, привязанная к дереву, разорвалась.

Я в это время стоял у руля, а Спичка – рядом со мной. Отлив все еще продолжался. Естественно, судно следовало своему прежнему направлению, по веревке к дереву. Я тотчас же повернул руль из опасения, что «Кризис» мог разбиться о скалы. Дикари были заняты своими ранеными; никто не обращал на меня внимания, и на пять минут движение судна зависело исключительно от меня. Пройдя вход в бухту, оно вступало в открытое море.

Дело приняло неожиданный оборот. Во мне мелькнул слабый луч надежды. Дикари не могли сообразить, от чего зависел ход корабля, хотя они понимали действие отлива. Ими овладела паника. Около половины из них бросились в море и пустились вплавь к острову. Я уж обрадовался, думая, что и все последуют примеру товарищей. Но человек двадцать пять не двинулись с места по той простой причине, что не умели плавать. В числе их остался и Спичка. Воспользовавшись всеобщим смятением, я подошел к лестнице и уже собирался снять баррикаду. Но тут Спичка грозно сверкнул на меня глазами и схватился за нож, блеснувший в его руках. Волей-неволей пришлось сдаться. Наше дело еще не было выиграно, а Спичка оказался не так-то прост, как я раньше предполагал. При всей его невзрачной внешности в нем скрывался недюжинный ум, который при иных обстоятельствах сделал бы из него героя. Этот Спичка дал мне урок никогда не судить о людях по их наружности.

Глава XIV

Брат Джонс Бэйтс, не правда ли начинает светать? – Мне кажется, день наступает, но мы не можем желать его увидеть. – Мы видим начало дня; но, наверное, не увидим его конца.
«Генрих V»

Судно вело себя молодцом. Как только мы обошли остров, подул легкий ветер с юга. Я направил руль к открытому морю. Расстояние между нами и бухтой увеличивалось, главным образом тут помогал еще отлив; мы делали по два узла в час; лодка находилась от нас на расстоянии полчаса пути.

Спичка видел, что дело плохо, но не знал тому причины, ибо не имел представления о значении руля. Наш руль действовал снизу; можно было не трогать колеса.

Когда же движение судна значительно усилилось, дикарь подошел ко мне с ножом и, приставив его к моей груди, сделал знак, чтобы я пристал к берегу. Я подумал, что настал мой последний час; указав ему на пустые мачты, я постарался объяснить, что судно поневоле лишено возможности правильного хода. Кажется, он меня понял, так как указал мне тотчас же на лежавшие паруса, прикрепленные к реям, заставляя меня водворить их, куда следует. Потом, схватив бригантину, попавшуюся ему на глаза, он велел распустить ее.

Само собой разумеется, я исполнил эти приказания со скрытой радостью. Натравив все снасти, я вложил в руки дюжины дикарей по шкоту, которые мы все вместе принялись натягивать.

В одну минуту мы подняли парус; затем я их повел к носу, где мы проделали ту же операцию с кливером и стакселем.

Этих парусов было достаточно, чтобы ускорить наш ход на целый узел; скоро мы отъехали от земли на милю. Ветер помогал нам.

Спичка не спускал с меня своего хищного взора. Он не мог придаться ко мне, ибо я исполнил его приказание, но результат получился противный его расчетам. Догнать нас теперь было трудно. Однако Водолаз малый не из трусливых и знающий толк в судах, а потому я поспешил предупредить Мрамора, чтобы он постарался не промахнуться, когда заметит его из окна.

В ту минуту, когда я привязывал последний талреп, показались лодки, которые уже обогнули остров, минут через двадцать они могли догнать нас. Надо было принять меры. Я поднял главный стаксель и как ни в чем не бывало спустился на палубу. Сезени были также подняты и прикреплены. Спичка изъяслял нетерпение, что мы не пристаем. Со мной уже давно покончили бы, если бы дикари умели сами управлять кораблем. Но я был необходим им, что я и сознавал не хуже их, а потому еще больше набрался храбрости.

Я посмотрел на лодки в подозрную трубу. Дикари были от нас на расстоянии полумили; они бросили свои весла и сплотились в кучу, как будто совещались о чем-то. Я подумал, что поднятые на судне паруса смущали их; предполагая, что мы вновь завладели «Кризисом», они боялись приблизиться к нам. Под предлогом вывесить еще парусов и заставить этим судно повернуть я поставил дикарей к брам-горденю грот-марса, заставив их натягивать веревки изо всех сил. Глаза их были обращены к носу, а я делал вид, что занят на корме. Чтобы развеселить Спичку, я дал ему в зубы сигару и сам тоже закурил.

Наши пушки были заряжены; оставалось лишь отнять сзади дощечку, чтобы они готовы были к выстрелу. Повернув руль так, чтобы заряд попал прямо в лодки, я приставил сигару к затравочному пороху, а сам бросился к рулю. Раздался выстрел, за которым последовали

страшные крики дикарей, повскакавших на руслени и готовых броситься в море. Между тем Спичка схватил меня.

Насилу я отбился от него, указав ему знаками, что ветер стал подгонять нас к берегу. Он, кажется, вообразил, что это – следствие выстрела из пушки. Что же касается лодок, то просвистевшая над их ушами картечь заставила их удалиться, они теперь более не сомневались, что судно в наших руках.

До сих пор удача превзошла все мои ожидания. Я возмечтал спасти жизнь не только себе, но и всего экипажа и отнять судно у варваров. Теперь, если земля исчезнет совсем из виду, наша победа одержана. К счастью, ветер благоприятствовал; мы уже делали четыре узла в час. Еще бы пройти миль двадцать – и дело в шляпе. Но пора было сообщить Мрамору о ходе вещей. Для предосторожности я подозвал Спичку к лестнице, чтобы он мог слышать, о чем мы говорим, хотя я прекрасно знал, что при отсутствии Водолаза ни одна душа из них не понимала по-английски. При звуке моего голоса Мрамор тотчас же подошел к двери:

– Что такое, Милс? Откуда этот выстрел и почему?

– Все обстоит превосходно, господин Мрамор. Выстрелил я с целью прогнать лодки, и результат получился блестящий.

– Прекрасно. А я уже пришел в отчаяние, думая, что мы идем обратно к пристани. Но, черт побери, ведь мы теперь далеко от земли! Долго ли еще протерпит Спичка?

Я тогда все объяснил ему.

Неизвестно, кто слушал меня с большим вниманием, Мрамор или Спичка. Последний то и дело показывал мне знаками, что я должен повернуть корабль к земле. Необходимо было успокоить его хоть временно, тем более что началась мертвая зыбь, а снасти были закреплены неважно. Главная мачта закачалась в эзергофте.

Хотя серьезной опасности еще не представлялось, но все же следовало принять надлежащие меры. В это время, к моему великому удовольствию, я заметил, что пять-шесть дикарей, в том числе и Спичка, почувствовали приступы морской болезни.

Я тогда принялся убеждать Спичку, что нам нужна помощь снизу, чтобы как следует закрепить мачты. Старый хрыч, приняв на себя важный вид, потряс головой. Значит, он был еще не настолько болен, чтобы остаться равнодушным к жизни. Однако, подумав, он назвал Неба и Йо; последний был поваром. Ему нечего было опасаться двух безоружных людей против двадцати пяти человек. К тому же он, конечно, воображал, что в крайнем случае негры перейдут на их сторону. Но как он ошибался в своих расчетах! Преданность негров уже была испытана.

Я объяснил Спичке, каким способом они могли подняться к нам только вдвоем. Он меня понял и одобрил, а я сообщил поручение Мрамору.

С кормы спустили вниз веревку вплоть до иллюминатора каюты; Неб обвязался ею, а затем дикари вытянули его на борт.

С Йо проделали ту же историю. Прежде чем пустить негров вскарабкаться на снасти, Спичка произнес короткую речь, сопровождаемую многозначительными знаками, долженствовавшими внушить им, что их ожидало, если бы они вздумали дурно вести себя; после чего я их послал к грот-марселю, на который они с поспешностью полезли.

С их помощью главная мачта была основательно укреплена в несколько минут. Неб получил приказание водворить снасти, и через час, начиная от стеньги до самой палубы, все было на месте.

Мы удалились на две мили от острова, который уже стал принимать туманные очертания.

Волнение Спички возрастало, тем более что четверо индейцев лежали пластом от морской болезни. Он сам еле стоял на ногах, но мужество и предстоящая опасность поддерживали его. Чтобы усыпить его подозрительность, я нарочно придумывал ненужные работы.

Вскоре земля совсем исчезла из виду. Когда подул сильнее ветер, индейцы не могли более противиться качке. Они один за другим попадали, как мухи.

Чувствуя, как силы оставляют его, Спичка пристал ко мне с угрозами. На этот раз необходимо было удовлетворить его. Я повернул слегка к земле, к великому восторгу дикарей. Спичка чуть не расцеловал меня. Однако я был себе на уме. Сделав им эту уступку, мне нечего было бояться последствий, мы находились слишком далеко от земли; лодки при всем старании уже не могли догнать нас; да наконец, при таком ветре, я каждую минуту мог свернуть на прежний путь.

Успокоившись, Спичка и его товарищи перестали противиться физическим страданиям.

Поставив Неба к рулю, я перегнулся через борт, незаметно вызвал Мрамора к окошку и сказал, чтобы он собрал всех наших к выходу. К счастью, у самой лестницы валялся дикарь в сильных мучениях, платя свою дань морю. Воспользовавшись тем, что никто из дикарей не обращал на меня внимания, я отдернул крючок, с помощью которого и железной полосы был заперт трап, и наши, во главе с Мрамором, бросились на палубу.

Тут было не до объяснений.

Я сразу заметил, что мои товарищи ожесточились до последних пределов.

Я же, проведя с дикарями несколько часов и будучи пощажен ими вследствие их доверия ко мне, склонен был к известному снисхождению. Но Мрамор и остальной экипаж, помучившись в своей засаде, были вне себя от бешенства, а главное, им хотелось отомстить за смерть бедного капитана Вильямса. Дикарь, поставленный сторожить выход, невзирая на свою слабость, взялся за пистолеты, но я не дал ему времени выстрелить, схватив его в охапку.

Во время этой борьбы я слышал возгласы Мрамора и матросов, кричавших изо всех сил: «Отомстить за нашего капитана»! Вскоре я одолел дикаря и связал его по рукам и ногам. В моих ушах раздавались удары, расточаемые с яростью со всех сторон.

Пока я дошел до кормы, все было кончено: наши завладели судном. Более половины дикарей было убито, остальные сами побросались в море: трупы кидали туда же.

Только один Спичка оставался еще в живых. Неб сжал его в своих крепких руках в ожидании приказания.

– В море негодяя! – кричал Мрамор. – В море, Неб, эту поганую падаль!

– Остановитесь! – вскричал я. – Пощадите его, господин Мрамор, он сам все время щадил меня.

Одно слово мое заставило Неба остановиться, несмотря на приказание самого капитана. Мрамор при всем своем возбуждении сжалился над беззащитным врагом. Радуюсь, что мне удалось спасти хотя бы одну жертву, я повел нашего пленника в трюм.

Когда все были перебиты, победители с облегчением посмотрели друг на друга. Я же бросился к борту взглянуть на поверхность моря. Какое ужасное зрелище! В ста саженях от нас всплывали головы и руки, делавшие нечеловеческие усилия, чтобы спастись. Мрамор, Спичка, Неб – все они устремили взоры по тому же направлению. Я осмелился замолвить словечко, прося подвинуться задним ходом, чтобы подобрать этих страдальцев.

– Пусть их тонут и убираются к черту! – резко и коротко ответил Мрамор.

– Нет, нет, мистер Милс, – заявил Неб, покачивая головой. – Помилование здесь – напрасно, от индейца нельзя ждать ничего хорошего; если вы его не потопите, то он сам делает это с вами.

Я видел, что мое заступничество не приведет ни к чему; и по мере того, как мы углублялись в океан, наши жертвы понемногу терялись из виду. Спичка не переставая наблюдал за своими несчастными собратьями; он видел их отчаянную борьбу со смертью. Быть может, между ними находился кто-либо из его родных, очень возможно, даже его собственный сын; в таком случае он удивительно владел собой и вздрогнул только тогда, когда в морских волнах исчезла последняя голова.

В это время Мрамор, заменивший покойного капитана, наводил на корабле порядок по своему усмотрению и направил «Кризис» обратно в бухту. Для спокойствия мы выстрелили в деревья и кусты.

В ответ раздалось несколько криков, что доказывало, что наша картечь попала куда следует.

Войдя в бухту, мы соорудили камнеметную мортиру, из которой выстрелили несколько раз, а также и из ружей. У берега мы нашли лодки, наш ялик и около шестисот мехов. Я без всякого угрызения совести конфисковал эти шкуры, которые тотчас же перенесли на судно.

Отправившись на остров, я нашел мертвого дикаря; очевидно, мы разогнали целый бивуак; слышав наши выстрелы, оставшиеся дикари спаслись бегством. Преследовать их не стоило. На обратном пути я увидел, что «Кризис» поворачивал к выходу из бухты; Мрамор боялся провести еще ночь в этом месте. Захват мехов значительно умиротворил нового капитана, но он объявил, что только тогда совсем успокоится, когда повесит Спичку напротив острова.

На следующее утро Мрамор приказал сделать подъемный гордень на верхушке реи фока.

Я находился в это время на палубе, но не осмелился и заикнуться, так как Мрамор в решительную минуту шутить не любил.

Матросы молча ожидали новых приказаний.

– Схватите этого мерзавца, свяжите ему руки и посадите его на третью пушку, а потом ждите! – сказал он тоном, не допускавшим возражений.

Никто не проронил ни слова, хотя видно было, что подобное распоряжение пришлось не по вкусу многим.

– Нет, в самом деле, – проговорил я вполголоса, – вы шутите, господин Мрамор.

– Прошу вас называть меня капитаном, господин Веллингфорд; теперь я начальник этого корабля, а вы – его главный лейтенант. Я намерен повесить вашего друга, Спичку, в назидание всем дикарям; эти мерзавцы попрятались в лесу, и все их глаза устремлены теперь в нашу сторону; поверьте, что то зрелище, которое им сейчас представится, произведет на них сильнейшее впечатление, чем многолетние проповеди сорока миссионеров.

– Матросы, поставьте негодяя стоймя на пушку!

Минуту спустя бедняга принял означенное положение. Он с беспокойством оглядывался вокруг себя, не понимая еще, какого рода казнь ждет его. Подойдя к нему, я пожал ему руку и указал на небо, стараясь дать понять, что только один Бог может спасти его. Индеец понял меня; с этого момента он казался спокойным, покоровшись своей участи.

– Пусть два негра набросят ему конец веревки на шею, – сказал Мрамор, слишком высоко ставивший себя, чтобы проделать эту операцию самому, и не желавший заставлять матросов, так как в его глазах повешение оставляло на человеке пятно на всю жизнь.

Спичка, чувствуя, что ему готовится, устремил сверху на Мрамора пристальный взгляд. Мрамор видел этот взгляд, и я подумал, что совесть заговорит в нем и он освободит дикаря. Но я ошибся. Мрамор вообразил, что он совершает великий подвиг морского правосудия, а сам того не замечал, что главным образом им руководило чувство мести.

– Поднимайте! – вскричал он, и минуту спустя Спичка повис на конце реи.

Через четверть часа негр вскарабкался на мачту и разрезал веревку; труп полетел и исчез в морской пучине.

Впоследствии подробности этого происшествия появились в журналах Соединенных Штатов. Многие моралисты порицали такое самоуправство, находя его варварским, бесчеловечным. Но интересы торговли и безопасность судов вдали от отечества требовали в иных случаях решительных мер. Мне кажется, что Мрамор раскаивался в своем поступке, но было уже поздно. Да, трудно заглушить угрызения совести, которую сам Бог вложил в наши сердца; чем бы мы ни оправдывали себя, но зло всегда останется злом.

Глава XV

*– О, выкуп, выкуп! Не завязывайте мне глаз!
Боскос Тромольдо Боскос. – Неужели приходится лишиться жизни
только из-за того, что не можешь говорить на их языке!*
Шекспир

«Кризис» тронулся в путь, как только рея освободилась от тела Спички. Пока мы медленно выходили из бухты, весь экипаж упорно молчал.

Мрамор говорил потом, что он хотел дожидаться, когда всплывет тело покойного капитана, но страх быть вынужденным убить еще многих дикарей заставил его поскорей покинуть эти мрачные места.

Был полдень, когда наше судно вновь пустилось в воды Тихого океана. Когда мой помощник пошел на вахту, меня вызвали в каюту для секретных совещаний относительно наших предстоящих действий. Мрамор сидел перед выдвинутым ящиком письменного стола капитана Вильямса, перед ним лежали бумаги.

– Садитесь, господин Веллингфорд, – сказал новый капитан торжественным тоном. – Я сейчас просмотрел инструкции, данные «старому» судовладельцами; мы прекрасно поступили, бросив этих чертовых разбойников и направившись к месту назначения. Здесь всего шестьдесят семь тысяч триста семьдесят долларов, и это после обмена товара, оцененного в двадцать шесть тысяч двести сорок долларов; если принять в расчет, что нам удастся избежать уплаты пошлинных сборов и других расходов, можно сказать, что мы в барыше, превзошедшем ожидания и дающем нам возможность располагать целым месяцем для наших собственных дел. Теперь прочтите инструкции судовладельцев; вы увидите, что их желания до сих пор вполне согласовались с нашим образом действий.

На будущее время в инструкциях говорилось, что мы хорошо бы сделали, если бы, остановившись у Сандвичевых островов, взяли бы там водолазов, а затем отправились бы к другим островам, у которых предполагалось обилие жемчужных раковин. Я сказал Мрамору, что, по моему мнению, при объеме нашего корабля это предприятие рискованно, что лучше избежать его, тем более что в инструкциях этот план предоставляется нашему усмотрению. Но ловля жемчужных устриц была заветной мечтой Мрамора; он приписывал ей большое значение, надеясь разом разбогатеть при счастливых обстоятельствах.

Мрамор был прекрасный человек во всех отношениях. Как капитан судна он был незаменим, но он не умел соблюдать интересов своих судовладельцев, не имея ни малейшего понятия о торговле.

Наш долгий путь к Сандвичевым островам прошел благополучно. В 1800 году эта группа островов была совсем не тем, чем представляется в настоящее время; хотя жители сделали некоторые успехи со времен Кука. Говорят, там теперь воздвигли церкви, каменные дома, гостиницы с бильярдами, жители понемногу переходят в христианскую веру, а также привыкают к комфорту и научились всякого рода мошенничествам – все это признаки так называемой цивилизации.

Мы же тогда нашли одних дикарей; правда, между ними оказался капитан брига из Бостона; его судно разбилось о подводные скалы. Думая остаться еще около погибшего брига, он хотел сбывать большую часть сандала, находившегося на борту, так как первые сильные порывы ветра могли все снести. Он рассчитывал дожидаться судна тех же владельцев, которое приняло бы его к себе, а пока он мог запастись новым товаром, Мрамор, устроив торговую сделку, потирал руки от удовольствия.

– Мы теперь в полосе счастья, мистер Милс, – сказал он. – На следующей неделе мы отправимся на ловлю жемчужных устриц. Сегодня же вечером мы приступим к нагрузке «Кризиса», только приблизимся сажень на сто к берегу.

Все было исполнено по желанию Мрамора. Наняв четырех прекрасных водолазов, мы поплыли по направлению к Китаю.

Прошло более месяца, как мы вышли из Гавайи – название острова, на котором убили Кука. Мрамор при свете луны подошел ко мне во время моей ночной вахты. Он был в отличнейшем расположении духа.

– Знаете что, Милс! – воскликнул он. – Положительно само Провидение заботится о нас, предназначая нам славное будущее. Вспомните все наши происшествия: сначала крушение у Мадагаскара, потом встреча с пирогами у острова Бурбон, далее приключение с французским крейсером около Гваделупы. Затем проклятый проход в Магеллановом проливе, несчастная кончина капитана Вильямса и, наконец, выгодная сделка с продавцом сандала; последнее обстоятельство меня особенно радует.

– Но надеюсь, что смерть капитана вы не причисляете к счастливым событиям.

– Нисколько, но, видите ли, одна мысль рождает другую: я верю в то, что за нами следует счастье, и убежден, что мы непременно сделаем открытие нового острова.

– А какая нам от этого была бы выгода? Судно – не наше, его владельцы присвоили бы себе открытие.

– Пусть себе присваивают. Но зато мы дали бы свои названия: земля Мрамора, залив Веллингфорд, мыс Кризис. Как замечательно, если эти имена будут значиться на карте, не правда ли, Милс?

– Конечно, капитан.

– Земля! – закричал с бака вахтенный.

– Вот она! – в свою очередь воскликнул Мрамор.

А я час тому назад смотрел на карту, на которой ничего не значится, по крайней мере, на протяжении шестисот миль вокруг нас.

Ночь была лунная, и воздух был пропитан благоуханием; мы ясно видели землю совсем близко от нас, слышали отчетливо, как волны ударяли о скалистый ее берег. Позондировав глубину, мы не достали до дна.

– Да, это коралловый риф, – проговорил Мрамор. – Надо держаться подальше от берега, а то мы, чего доброго, натолкнемся на подводный камень. Если же предположить, что мы найдем дно и бросим здесь якорь, то наш канат окажется в положении человека, покоящегося в гамаке и окруженного со всех сторон лезвиями бритв.

Это была сущая правда. Но через несколько секунд мы убедились, что при столь слабом ветре, дующем к берегу, нам невозможно удалиться. Нас влекло к скалам, которые виднелись среди бурунов при свете луны. Мы приготовились к катастрофе.

Но в такие критические минуты Мрамор бывал незаменим. С полным самообладанием он давал удивительно точные и правильные распоряжения. Но дна все не находили.

Я предложил тогда сесть в ялик и поискать место, где бы мы могли пристать.

– Ладно, господин Веллингфорд, – вскричал Мрамор, – это хорошая мысль, она вам делает честь!

Через пять минут я отправился. Стоя на корме с зондом, я не переставая измерял глубину. Морская пена поднимала наши весла. Я слышал, как вокруг меня громадные волны, встречая на своем пути препятствия, разбивались о них. Наконец я заметил одно местечко, где море оставалось сравнительно спокойным. Я тотчас же отправился туда, прося гребцов посильнее приналечь на весла. В одну минуту мы очутились в спокойной полосе воды; я успел позондировать всего один раз: дно было в шести сажнях!

Я закричал в рупор изо всей мочи.

– Ну что, господин Веллингфорд? – откликнулся Мрамор.

– Видно ли вам наш ялик?

– Прекрасно. Вы ведь недалеко от нас.

– Слушается ли «Кризис» руля?

– Довольно сносно.

– В таком случае направляйтесь сюда; это единственное порядочное место.

Мне ничего не ответили, но я увидел, что «Кризис» подходит ко мне. Приступив вновь к измерению глубины, я напал на место в десять сажень.

– Якорь! Капитан, сюда, скорее!

Тотчас же были взяты на гитовы нижние паруса и брамсели, и затем я с удовольствием услышал, как один из якорей тяжело погрузился в воду. Судно остановилось, и минуту спустя я был на борту.

– Можно сказать, что вы вытащили из моей ноги громадную занозу, господин Веллингфорд, – сказал Мрамор. – Вы оказались таким прекрасным проводником. Посмотрите-ка, Милс, на западе, ведь это тоже земля?

– Да, капитан, без сомнения, а на берегу как будто деревья.

– Друг мой, да ведь мы сделали открытие, мы здесь увековечим свое имя. Проход этот я называю «Милс», а скалу – «Яликом»!

Но мне было не до шуток. Следовало сначала позаботиться о безопасности судна. Канат мог ежеминутно перетереться о подводный камень. Я предложил приблизиться к земле для необходимых наблюдений.

Капитан согласился отпустить меня, посоветовав взять с собой воды и съестных припасов на тот случай, если мне нельзя будет вернуться до завтрашнего дня.

Бухта между скалой и островом имела около мили, глубина в ней почти везде равнялась десяти сажням.

Наружные скалы, о которые разбивалось море, казались выдвинутым вперед валом, сооруженным бесчисленным количеством коралловых полипов, поднимающихся целыми веками из глубины морской. Эти гигантские постройки, нарождающиеся постепенно, дают нам представление, почему так изменяется поверхность земного шара.

Пристав без всякого затруднения, я пошел обозревать остров, на котором не отмечалось никакого признака жилья. Ночь была дивная; я решил исследовать местность. Пройдя около мили сквозь кокосовые и банановые деревья, я добрался до бассейна, встречающегося обыкновенно в середине коралловых островов. Проход был близко, и я велел одному из матросов провести туда ялик. Наступила ночь; я намеревался провести всю ночь на острове, но вдруг увидел, что «Кризис» подвигается по направлению к земле.

Я не ошибся в предположении: канат перетерся, и Мрамор ждал от меня утешительных сведений. Узнав про внутренний бассейн, он поручил мне провести туда «Кризис».

Для предосторожности я послал впереди себя Талькотта в шлюпке, и несколько минут спустя наше судно благополучно вошло в новую гавань. Лучшего пристанища нам бы никогда не найти. Довольно было одного якоря, чтобы противостоять порывам ветра и даже бурям.

Убедившись в безопасности, мы спокойно разошлись к своим гамакам, поставив на вахту только одного человека.

Никогда я еще не ложился спать в более приятном расположении духа. Я, признаться, был очень доволен собой.

Не найди я, благодаря своей решительности и отваге, этого бассейна, быть может, «Кризис» уже разбился бы давно о скалы. Я начал засыпать, когда Мрамор приотворил дверь моей каюты, завязав со мной разговор.

– Итак, – начал он, – я люблю обобщать факты и делать выводы. Посмотрите-ка, вот уж мы открыли землю Мрамора, бухту Веллингфорд, скалу Ялик, якорное место Милс – и, в скобках, очень плохое, мой мальчик; но, что вы хотите, на всем свете надо мириться со всем.

– Вы правы, капитан, – ответил я почти сквозь сон. – Что же касается места для стоянки, я в другой раз не возьму на себя обязательства отыскивать его, за это уж вам отвечаю.

– Ну, ведь я шучу; хорошо, оставим в стороне этот вопрос. Эге, Талькотт, Милс, никак они уже спят?

– Да, капитан, и очень крепко, и я, кажется, сейчас последую его примеру.

– Этаким соня! Знаете, Милс, что подобное открытие может обогатить человека! Милс...

Да вы меня не слушаете?

– Все сюда!

– Ну вот, он уж бредит! Еще одно словечко, пока вы еще не окончательно забылись. Как вы думаете, не лучше ли в наши названия пустить немного патриотизма?! Как приятно звучало бы в ушах: «скала Конгресса», «банка Вашингтона», надо и ему уделить кусочек.

– Благодарю, капитан, я не голоден.

– Ну, он спит совсем. Мне, собственно говоря, тоже не мешает пойти на покой, хотя трудно будет заснуть после такого открытия. Спокойной ночи, Милс!

Никогда мы еще не спали таким сладким сном, как в эту ночь. На судне было так же тихо, как в церкви в будний день. Я спал как убитый; даже во сне ничего не видел. Вдруг я почувствовал, что кто-то тянет меня за плечо изо всех сил. Думая, что настала очередь моей вахты, я вскочил в одну секунду. Ослепленный лучами солнца, падающими мне в глаза через окно, я в первый момент не разглядел, что передо мной стоял сам капитан.

– Милс, – сказал он, – на нашем борту бунт. Слышите ли, самый возмутительный бунт!

– Не может быть, капитан! Я ничего не понимаю; наши матросы казались мне довольными.

– Видите ли, когда бросаешь в воздух монету, неизвестно, какой стороной она упадет на землю. Еще вчера я пошел спать совершенно спокойный, а сегодня нахожу мятеж.

– Но, капитан, я не слышу никакого шума; судно стоит на том же месте, не ошибаетесь ли вы?

– Нет. Я проснулся несколько минут тому назад и хотел подняться на палубу посмотреть при свете на ваш бассейн и подышать свежим воздухом. И что же? Нахожу верхушку лестницы заделанной на манер Спички. Согласитесь, что экипаж не посмел бы запереть своих офицеров, не будь у него намерения завладеть судном.

– Удивительно! Быть может, что-нибудь случилось с дверями? Подали ли вы голос, капитан?

– Я стучал, стучал, но никакого ответа. Пробовал продавить дверь, но тут слышались с палубы раскаты смеха, и тогда я все понял. Когда матросы смеются в лицо своим командирам, предварительно заперев их, это пахнет бунтом.

– Конечно, капитан. Не вооружиться ли нам теперь?

– Я уже все приготовил. Вы найдете в главной каюте заряженные пистолеты.

Через две минуты явились другие два офицера, вооружившись, подобно нам; Мрамор хотел попытаться выйти, но я заметил, что не может же быть, чтобы Неб с метрдотелем были бы в заговоре, что прежде не мешало бы посмотреть, где они.

Талькотт немедленно отправился и тотчас же вернулся, сообщив, что они спят мертвым сном.

Тогда мы тихонько двинулись к той части корабля, в которой должны были находиться матросы, все время прислушиваясь. К нашему великому изумлению, со всех сторон раздавался храп на все лады и тоны.

Мрамор раскрыл дверь, и мы с пистолетами вошли в помещение матросов. Все гамаки были заняты спящими.

Однако дверь лестницы вопреки жаре оставалась закрытой и загроможденной с наружной стороны.

– Милс, – вскричал Мрамор, – мы опять в засаде у дикарей!

– Похоже на то, капитан. Странно, однако, остров показался мне совершенно пустынным. Как вы думаете, не созвать ли нам весь экипаж, чтобы посмотреть, все ли налицо.

– Прекрасно, пусть все идут в кают-компанию, там виднее будет.

Все было тотчас исполнено; все были тут, не хватало только одного вахтенного.

– Не мог же Гаррис позволить себе подобную штуку! – сказал Талькотт.

– Вы уверены, что Земля Мрамора необитаема? – спросил капитан.

– Я полагаю так, капитан, судя по тому, что я на ней не встретил ни одной живой души.

– Какая досада! Все оружие на палубе, в сундуке, или развешано со всех сторон. Однако с одним человеком нечего церемониться. Я сейчас дам знать ему о себе.

При этом Мрамор так сильно хватил в дверь, что я подумал, что он ее сразу вышиб.

– Потихе, потихе, – послышался голос с палубы. – Зачем так шуметь?

– Кто там, черт вас побери? – спросил Мрамор, удваивая удары. – Сейчас же откройте, или я вас вышвырну за борт.

– Милостивый государь, вы в плену, слышите, в плену!

– Это французы, капитан, – вскричал я, – и мы в их власти!

Мы просто не верили своим ушам. После нескольких минут переговоров мне разрешили сверху подняться на палубу, чтобы узнать настоящее положение дела, а Мрамору было велено оставаться внизу. Дверь передо мной раскрылась, дав мне возможность выйти.

Когда я осмотрелся, ужас сковал все мои члены, я сразу не мог выговорить ни слова. Меня окружили пятьдесят человек вооруженных французов. Среди них находился Гаррис, который подошел ко мне с грустным и виноватым видом.

– Я знаю, что заслуживаю смерть, господин Веллингфорд. После усталости и при царившем спокойствии я не мог противиться сну, а когда я проснулся, эти люди уже хозяйничали у нас.

– Но откуда они взялись? Разве у острова есть какое-нибудь французское судно?

– По всем признакам это экипаж с погибшего судна с каперскими свидетельствами. Конечно, они обрадовались возможности завладеть «Кризисом». Да спасет его Господь! Он теперь под французским флагом!

Подняв глаза, я действительно увидел трехцветный французский флаг, развевавшийся в воздушном пространстве.

Глава XVI

Свежий утренний воздух шевелит его волосы; волны весело танцуют перед его взором; морские птицы перекликаются, кружатся и рассекают воду; встает лучезарная заря, но он не слышит этого веселого пения, он не видит волн, не чувствует ветерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.